

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
СТАРООСКОЛЬСКИЙ ФИЛИАЛ
(СОФ НИУ «БелГУ»)**

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

КАФЕДРА ФИЛОЛОГИИ

**ЗНАЧЕНИЕ И СМЫСЛ РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В АСПЕКТЕ
ТЕМАТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА**

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по направлению подготовки
44.03.05 Педагогическое образование
профиль Русский язык и литература
очной формы обучения, группы 92061202
Тихоновой Анастасии Вячеславовны

Научный руководитель
д.фил.н., профессор
Семененко Н.Н.

СТАРЫЙ ОСКОЛ 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава I. ФРАЗЕОЛОГИЯ И ПАРЕМИОЛОГИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ.....	8
§ 1. Место лингвокультурологических исследований в антропоцентрической парадигме языкознания.....	8
§ 2. Фразеология и паремиология русского языка в лингвокультурологиче- ском освещении.....	17
§ 3. Жанрово-видовые, структурно-семантические и лингвокультурологиче- ские параметры описания народно-афористического фонда.....	26
Глава II. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПОВЕДЕ- НИИ ЧЕЛОВЕКА В НАЦИОНАЛЬНОМ ФРАЗЕОФОНДЕ И ПАРЕМИОЛО- ГИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ РУССКОГО ЯЗЫКА.....	34
§ 1. Выражение нравственных ориентиров в национальной концептосфере и русском паремическом фонде.....	34
§ 2. Фразеологические и паремические репрезентации основных ценностных ориентиров в поведении человека.....	42
§ 3. Семейные ценности в русской паремической картине мира.....	50
§ 4. Этические ориентиры в межличностных отношениях и семантика фра- зеологических и паремических единиц.....	57
Заключение.....	66
Список использованной литературы.....	70

ВВЕДЕНИЕ

В современной лингвистике наблюдается активный всплеск интереса к изучению фразеологических единиц в различных аспектах: семантическом, лингвокультурологическом, когнитивном и др. Особое внимание в работах последних лет уделяется исследованию антропоцентрической сущности языковых единиц, так как многие общекультурные, этические, социальные проблемы рассматриваются через призму языковых явлений. Важнейшим уровнем языковой системы, наиболее ярко отражающим мировоззрение, нравы, поведение людей, является фразеология, в том числе паремиология, благодаря которой передается из поколения в поколение менталитет этноса и специфика этнокультурных норм. По фразеологической картине мира нередко можно познать особенности мировосприятия того или иного народа. Наиболее ярким фрагментом данной картины является понятие «человек», который включает в себя множество других фрагментов, так или иначе характеризующих человека, в том числе и с точки зрения поведенческих норм.

Философы и лингвисты (В. фон Гумбольдт, Л. Вейсбергер, Э. Сепир, А.А. Потебня, А. Вежбицкая и др.) неоднократно отмечали, что язык отражает как материальные стороны жизни народа - географическое положение, климат, быт, так и духовные стороны мира носителей языка — моральные ориентиры, систему ценностей, национальный характер.

С помощью языковых средств, безусловно, объективируются представления о времени, пространстве, различных объектах и явлениях, моделируются способы организации частной и социальной жизни. В национальном языке содержатся представления о нормах сосуществования и взаимодействия людей, репрезентируются этнокультурные ценности или, по определению Н.Д. Арутюновой, аксиологические концепты. Язык формирует стратегии оценивания явлений окружающей действительности, предопределяет аксиологическое видение мира, задает «правила игры», разъясняющие, как

должно и как не должно поступать, что достойно и что постыдно, что есть добро и что есть зло.

Важнейшей составляющей языковой личности является ее национальный характер, который определяется принадлежностью к этносу, включенностью в национальную культуру. Каждая национальная культура индивидуальна и своеобразна, она играет определяющую роль в становлении, формировании и развитии языковой личности.

На представление человека о мире влияют многие факторы, и нельзя рассматривать язык отдельно от мышления, психологии и культурного опыта человека. Язык и культура, в первую очередь национальная, постоянно взаимодействуют и влияют друг на друга. В языке фиксируются объекты и события, представляющие культурную значимость. Кроме того, язык – общественное явление, тесно связанное с социальной структурой общества. Как естественная среда, в которой живет общество, так и само общество отражаются в языке.

В процессе коммуникации важную роль играет правильное понимание национально-специфических культурных особенностей социума, то есть раскрытие национальной картины мира, национального характера. Национально-культурную специфику формируют природа страны, история народа, быт, традиции и обряды, стереотипы поведения, нормы и ценности. Коллективное достояние духовной жизни этноса проявляется в искусстве: архитектуре, музыке, танце, живописи – и в языке: фольклорных произведениях, поговорках, фразеологическом фонде.

Фразеологизмы как носители этнокультурного содержания не перестают привлекать внимание многих лингвистов: Н.Ф. Алефиренко, Н.Д. Артюновой, В.И. Карасика, В.А. Масловой, В.М. Мокиенко, В.И. Постоваловой, Ю.С. Степанова, В.Н. Телия, Н.М. Шанского и др. Фразеологизмы и поговорки были и остаются в языке на протяжении всей его истории, о чём свидетельствуют и древние памятники, и литературные произведения, и современная речевая практика. Изучение фразеологии и поговоркиологии сквозь

призму лингвокультурологии очень важно, потому что именно в устойчивых конструкциях проявляется специфика быта, культуры, истории и этики народа.

Актуальность нашей работы обусловлена тем, что в семантической и когнитивной природе фразеологических и паремиологических единиц одним из важнейших компонентов является национально-культурный компонент, содержащий определенный ценностный посыл. Фраземы и паремии реализуют целый блок функций: номинативную (через передачу семантической информации); оценочную (выражающую положительные или отрицательные характеристики), эстетическую (выражающую эстетические качества самого языка), экспрессивную (усиливающую выразительность коммуникации) [Селиверстова 2010: 8-9]. На наш взгляд, именно лингвокультурологический анализ позволит определить, каким образом нравственно-этические традиции и ценности аккумулируются в семантике фразеологизма и пословицы. Классическое утверждение о том, что «обозначая явление, предмет, слово вместе с тем передает его связи и отношения в динамическом целом, в исторической действительности... отражает понимание "кусочка действительности" и его отношений к другим элементам той же действительности, как они осознавались или осознаются обществом, народом в известную эпоху и при этом с широкой возможностью позднейших переосмыслений первоначальных значений и оттенков» [Виноградов 1977: 163], с полным правом можно отнести к единицам фразеологического или паремиологического характера, зачастую определяющим сущность ментальности и культуры народа.

Объектом нашего изучения являются фразеологические и паремиологические единицы русского языка, характеризующие нравственные ориентиры в поведении человека.

Предмет исследования – этнокультурологическая составляющая семантики фразеологизмов и паремий, характеризующих нравственные ориентиры в поведении человека.

Цель нашей работы – лингвокультурологический анализ этнокультурной специфики фразеологизмов и паремий, характеризующих нравственные ориентиры в поведении человека.

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

- 1) показать место лингвокультурологии в современной антропоцентрической парадигме языкознания;
- 2) рассмотреть теоретические и практические аспекты исследования таких объектов лингвокультурологии, как фразема и паремия;
- 3) выявить национально-культурное содержание фразеологических и паремиологических единиц, дающих характеристику этических ориентиров в поведении человека;
- 4) проанализировать ценностные оппозиции, репрезентированные в «фонде народной мудрости»;
- 5) охарактеризовать особенности репрезентации системы ценностных координат в русской фразеологии и паремиологии.

Основными **источниками** материала послужили фразеологические словари В.Н. Телия, В.П. Жукова и А.К. Бириха, словари русских пословиц В.И. Даля и В.И. Зимина.

Теоретическую и методологическую базу исследования составили труды Н.Ф. Алефиренко, Н.Д. Арутюновой, В.В. Воробьева, В.В. Красных, В.А. Масловой, В.М. Мокиенко, Н.Н. Семенов, Ю.С. Степанова, В.Н. Телия и др.

В исследовании были использованы следующие **методы**:

- 1) описательный метод в ходе интерпретации и систематизации языкового материала;
- 2) метод компонентного анализа в процессе формулировки значения исследуемых единиц;
- 3) семантико-стилистический метод в ходе определения стилистической функции фразеологизмов и паремий.

Структура данной работы определена логикой исследования и включает Введение, две главы, Заключение, Список использованной литературы (93 теоретических источника и 11 словарей и сборников).

Глава I. ФРАЗЕОЛОГИЯ И ПАРЕМИОЛОГИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

§ 1. Место лингвокультурологических исследований в антропоцентрической парадигме языкознания

Проблема «язык и культура» – одна из центральных проблем современных гуманитарных наук, в частности лингвистики. Это определяется самой сущностью языкознания, имеющего предметом и целью своих изысканий, с одной стороны, эволюцию, историческое движение языка, языков в значительной степени в связи и во взаимодействии с той национальной культурой, которая находит свое выражение в соответствующей национальной словесной форме; с другой стороны, – историю культуры, насколько и поскольку она воплощается в языке, письменности, словесности конкретного народа. История языка, с филологических позиций, рассматривается как «органическая часть истории и культуры конкретного народа, как самая важная глава истории его культуры. И нет ни одной отрасли знания, включенной в понятия «культура» и «цивилизация», ...которая не была бы связана со словом «филология» [Бельчиков 2003: 275].

Лингвокультурология – это наука, возникшая на стыке лингвистики и культурологии в рамках антропоцентрической парадигмы, пришедшей на смену сравнительно-исторической и системно-структурным парадигмам прошлого. «Идея антропоцентричности языка – ключевая в современной лингвистике» [Маслова 2001: 6], когда «в центре внимания культуры и культурной традиции стоит языковая личность во всем ее многообразии: Я-физическое, Я-социальное, Я-интеллектуальное, Я-эмоциональное, Я-речемыслительное» [Маслова 2001: 7]. Объектом лингвокультурологии является исследование взаимосвязи и взаимодействия человеческой культуры и языка в процессе их функционирования, а предметом – материальная и духовная культура (в процессе ее функционирования), созданная человеком, то есть все то, что составляет языковую картину мира.

Культура представляет собой сложнейший феномен, определяющий систему ценностных ориентаций как общества в целом, так и отдельной личности – носителя определенной культуры. Известный лингвокультуролог В.В.Маслова говорит о культуре как о «своде «правил игры» коллективного существования, наборе способов социальной практики коллектива, которые выработаны людьми для социально значимых практических и интеллектуальных действий» [Маслова 2001: 17-18]. Этнопсихолингвист В.В.Красных связывает культуру «с сознанием, со сложным комплексом небιологических, социальнотранслируемых знаний и отношений, со стереотипами поведения, в том числе и речевого ... с системой знаков и значений, т.е. с языком» [Красных 2002: 19]. П.М. Бицилли – выдающийся русский историк, филолог, славист, писал: «Язык в отношении своего строения, своей лексики есть одна из важнейших сторон культуры, может быть, самая важная... Язык есть, если можно так сказать, зеркало, отражающее культуру» [Бицилли 1996:158].

Общепризнанной аксиомой является положение о том, что язык не существует вне культуры как «социально унаследованной совокупности практических навыков и идей, характеризующих наш образ жизни» [Сепир 1993: 185]. Как один из видов человеческой деятельности, язык оказывается составной частью культуры, определяемой как совокупность результатов человеческой деятельности в разных сферах жизни человека: производственной, общественной, духовной. Однако в качестве формы существования мышления и, главное, как средство общения язык стоит в одном ряду с культурой. Если же рассматривать язык с точки зрения его структуры, функционирования и способов овладения им (как родным, так и иностранным), то социокультурный слой, или компонент культуры, оказывается частью языка или фоном его реального бытия.

В то же время компонент культуры – не просто некая культурная информация, сообщаемая языком. Это неотъемлемое свойство языка, присущее всем его уровням и всем отраслям: «Язык – мощное общественное орудие, формирующее людской поток в этнос, образующий нацию через хранение и

передачу культуры, традиций, общественного самосознания данного речевого коллектива» [Тер-Минасова 2000].

Считается, что лингвокультурология возникла в последней четверти XX в. как продукт антропологической парадигмы в лингвистике, начало которой положил еще в XIX в. В. фон Гумбольдт, впервые в работе «О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода» сформулировавший положение о взаимосвязи характера языка и характера народа. Широкую известность получили утверждения о том, что «разные языки по своей сути, по своему влиянию на познания и чувства являются в действительности различными мировидениями», и что «своеобразие языка влияет на сущность нации, поэтому тщательное изучение языка должно включать все, что история и философия связывают с внутренним миром человека» [Гумбольдт 1985: 370, 377]. Новизна подобного подхода состояла в том, что за различными языковыми формами ученый увидел различия в способах мышления и восприятия действительности и сделал вывод о том, что в языке воплощается своеобразие культуры.

Идеи В. фон Гумбольдта развивались в рамках неогумбольдтианства в XIX-XX вв. В России XIX в. Наследие ученого интерпретировал А.А. Потебня, развивавший идею о языке как деятельности. Представители европейского неогумбольдтианства – Л. Вайсгербер, Х. Глинц, Х. Хольц – в середине XX в. разрабатывали вопрос о зависимости содержания мышления и логического строя мысли от структурных особенностей языка. Исследования неогумбольдтианцев отличает интерес к «содержательной» стороне языка: они анализировали семантические сферы разных языков, выявляя сходства и различия между ними. Л. Вайсгербер ввел понятие «вербализация мира», определив его как «процесс языкового овладения миром и превращения его в объект познания», а также выдвинул тезис о необходимости создания «новой грамматики», которая должна фиксировать содержательную сторону языка и представлять язык как «действующую силу» [Гухман 1961: 129-130, 154].

В отечественной лингвистической науке на рубеже XX-XXI вв. появилось значительное число работ, свидетельствующих об интересе лингвистов к исследованию языковых явлений в широком экстралингвистическом контексте. Лингвокультурологическая проблематика рассматривается в трудах Н.Ф. Алефиренко, Н.Д. Арутюновой, В.В. Воробьева, В.А. Масловой, Ю.С. Степанова и др. Развитие лингвокультурологического направления обусловлено стремлением к осмыслению культуры как специфической формы существования человека и общества в мире. Лингвокультурология определяется как «комплексная научная дисциплина синтезирующего типа, изучающая взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании и отражающая этот процесс как целостную структуру единиц в единстве их языкового и внеязыкового (культурного) содержания при помощи системных методов и с ориентацией на современные приоритеты и культурные установления (система норм и общечеловеческих ценностей)» [Воробьев 1997: 57].

Язык и культура, конечно, отдельные самостоятельные явления. Вместе с тем в своем развитии и синхронном сосуществовании они настолько тесно соотносятся и взаимодействуют друг с другом, что закономерно, с одной стороны, ставится вопрос о языке как одной из основных форм реализации национальной культуры, как важнейшем компоненте национальной культуры и фундаментальном факторе ее существования и развития, с другой стороны, говорится о языке как о продукте национальной культуры. Г.О. Винокур утверждал: «Отдельный язык есть индивидуальное и неповторимое историческое явление, принадлежащее к данной индивидуальной культурной системе... Даже всецело оставаясь на почве одного языка,... мы уже изучаем тем самым соответствующую культуру, именно первую, и в известном отношении, может быть, самую важную главу ее истории » [Винокур 1959: 211]

Значение языка как национально-специфической основы культуры чрезвычайно велико. При этом «на язык как основной специфический признак этноса можно смотреть с двух сторон: по направлению «внутри», и то-

гда он выступает как главный фактор этнической интеграции; по направлению «вовне», и в этом случае он – основной этнодифференцирующий признак этноса. Объединяя в себе эти две противоположные функции, язык оказывается инструментом и самосохранения этноса, и обособления «своих» и «чужих».

Язык обуславливает характер мышления, способ познания мира, влияет на сознание и поведение человека. Отношение к языку как к феномену культуры, описание его с этих позиций требует внимания к признакам национальной ментальности и их отражения в лексике, фразеологии, речевом этикете, этических концептах, в характере дискурсивной деятельности носителя определенной культуры. «Язык – зеркало культуры, в нем отражается не только реальный мир, окружающий человека, не только реальные условия его жизни, но и общественное самосознание народа, его менталитет, национальный характер, образ жизни, традиции, обычаи, мораль, система ценностей, мироощущение, видение мира. Язык – сокровищница, кладовая, копилка культуры. Он хранит культурные ценности – в лексике, в грамматике, в идиоматике, в пословицах, поговорках, в фольклоре, в художественной и научной литературе, в формах письменной и устной речи. Язык - передатчик, носитель культуры, он передает сокровища национальной культуры, хранящейся в нем, из поколения в поколение. Овладевая родным языком, дети усваивают вместе с ним и обобщенный культурный опыт предшествующих поколений. Язык – орудие, инструмент культуры. Он формирует личность человека, носителя языка, через навязанные ему языком и заложенные в языке видение мира, менталитет, отношение к людям и т. п., то есть через культуру народа, пользующегося данным языком как средством общения» [Тер-Минасова 2000].

К культуре возможны исследовательские подходы, с одной стороны, как к феномену мирового, глобального масштаба и как к феномену, существование, развитие и индивидуальная неповторимость которого обусловлены социокультурными и культурно-историческими обстоятельствами и реа-

лиями исторического бытия конкретного народа. Исследование культуры предполагает интерпретацию социокультурной и культурно-исторической информации в аспектах лингвокультурологии, поскольку культурно значимую информацию несут, заключают в себе языковые единицы (и языковые категории). В кругу последней проблематики актуальны два направления научных изысканий: от конкретной языковой единицы к его социокультурной и культурно-исторической интерпретации, национально ориентированной; от достаточно репрезентативного или тематически ограниченного, но вполне самостоятельного фрагмента культуры в общем контексте национальной культуры, взятой в целом (сфера фольклора) или ограниченной историческими рамками, рамками того или иного раздела культуры (музыка, театр), жанрово-тематическими рамками (юмор, пародия) к языковым единицам, выражающим соответствующее смысловое и экспрессивное содержание.

Н.Ф. Алефиренко, анализируя место лингвокультурологии в современной гуманитарной антропоцентрической парадигме, выстраивает ряд междисциплинарных связей.

1. Большой интерес для лингвокультурологии представляют этнография и этнология (описательные науки, основанные на сборе и анализе эмпирических данных), так как изучают историю этносов, их культуру и быт.

2. Культурная антропология, изучает, прежде всего, культуры традиционных сообществ, что, несомненно, ценно для этимологии - важнейшего аспекта лингвокультурологических исследований.

3. Философия культуры, предлагающая исследователю наиболее общие подходы к исследованию сущности, целей и ценностей культуры, условий существования и форм их проявления.

4. Социология позволяет рассмотреть структуру и функционирование культуры в связи с социальными институтами, помогает осмыслить общественно-исторические условия формирования узуса и культуры.

5. Историческая культурология изучает результаты культурной деятельности человечества, имеющие текстовое воплощение. История изучает выдающиеся достижения человеческой культуры; культурология изучает культуру как духовное состояние человека и общества, а лингвокультурология изучает не столько факты культуры, сколько механизмы вербализации культурно маркированных смыслов. [Алефиренко 2010: 35-36].

Итак, лингвокультурология существует в окружении смежных наук: социолингвистики, этнолингвистики, лингвострановедения, культурологии. В то же время, как утверждают исследователи (В.А. Маслова, В.В. Красных, Н.Ф. Алефиренко, Ю.С. Степанов, В.В. Воробьев и др.) лингвокультурология в силу своей интегративности и устремленности к выводам лингво- и этнокультурного характера способна более четко, чем другие науки, изучающие язык и культуру в их взаимодействии, обозначить общее направление исследований: человек как языковая личность, язык как воплощение культурных ценностей, культура как наивысший уровень языка и др. В число объектов исследования включаются также речевое поведение, речевой этикет, текст как единица культуры, а также взаимодействие фольклора и языка.

То есть предметом лингвокультурологии сегодня является язык как реализация творческого начала человека, как отражение культурных ценностей этнического сообщества, а центральной проблемой - проблема изучения картины мира языковой личности и языкового сообщества. Как утверждает В. В. Воробьев, лингвокультурология направлена на анализ как языкового, так и внеязыкового содержания культуры и отличается от других наук рядом признаков:

- 1) это дисциплина синтезирующего типа, занимающая пограничное положение между науками, изучающими культуру и филологию;
- 2) основным объектом лингвокультурологии является взаимосвязь языка и культуры и интерпретация этого взаимодействия;

3) предметом исследования лингвокультурологии служит духовная и материальная культура, вербализованные артефакты, формирующие «языковую картину мира»;

4) дисциплина ориентируется на новую систему культурных ценностей, выдвинутую современной жизнью общества, на объективную информацию о культурной жизни страны [Воробьев 1997: 32].

Лингвокультурология как самостоятельная отрасль знаний должна решать свои специфические задачи и при этом ответить прежде всего на ряд вопросов, которые в наиболее общем виде можно сформулировать так:

1) как культура участвует в образовании языковых концептов;

2) к какой части значения языкового знака прикрепляются «культурные смыслы»;

3) осознаются ли эти смыслы говорящим и слушающим и как они влияют на речевые стратегии;

4) существует ли в реальности культурно-языковая компетенция носителя языка, на основании которой воплощаются в текстах и распознаются носителями языка культурные смыслы. В качестве рабочего определения культурно-языковой компетенции принимаем следующее: это естественное владение языковой личностью процессами речепорождения и речевосприятия и, что особенно важно, владение установками культуры; для доказательства этого нужны новые технологии лингвокультурологического анализа языковых единиц;

5) каковы концептосфера (совокупность основных концептов данной культуры), а также дискурсы культуры, ориентированные на репрезентацию носителями одной культуры, множества культур (универсалии); культурная семантика данных языковых знаков, которая формируется на основе взаимодействия двух разных предметных областей — языка и культуры;

6) как систематизировать основные понятия данной науки, т.е. создать понятийный аппарат, который не только позволил бы анализировать проблему взаимодействия языка и культуры в динамике, но обеспечил бы взаимо-

понимание в пределах данной научной парадигмы – антропологической, или антропоцентрической.

При решении данных задач нужно учитывать одну чрезвычайно важную особенность, создающую дополнительную трудность в изучении данной проблемы: культурная информация языковых знаков имеет по преимуществу имплицитный характер, она как бы скрывается за языковыми значениями. Культурологически ориентированная лингвистика осмысляет специфическую фиксацию культурно значимых явлений и характеристик бытия в форме языковых знаков, в том числе фразеологического характера.

Итак, тенденция к взаимопроникновению различных отраслей научного знания – одна из определяющих характеристик науки XXI века. В сфере гуманитарных дисциплин выражением этого стремления к синтезу стала активизация культурологических исследований, т.е. исследования феномена культуры, включающего в себя все многообразие деятельности человека и ее опредмеченных результатов. В настоящее время наблюдается стремительное становление и развитие лингвокультурологии - науки, посвященной «изучению и описанию корреспонденции языка и культуры в синхронном их взаимодействии» [Телия 1996: 216-217].

Современная лингвокультурология рассматривает язык в качестве идеальной стороны выражения и как предмет культурной истории. Рассматривая язык в последнем аспекте, его изучают как индивидуальное и своеобразное явление человеческой истории. И с этой точки зрения язык есть условие и продукт культуры, культуры носителей конкретного языка. Более того, можно говорить «о языке как системе выразительных средств данного коллектива» [Щерба 1957: 131]. И действительно, различные аспекты языка, его семантика, сам состав лексики и фразеологии – все это определяется актуальными культурно-историческими условиями, обстоятельствами бытия народа – носителя данного языка.

§ 2. Фразеология и паремиология русского языка в лингвокультурологическом освещении

Проблематика национально-культурного своеобразия фразеологической системы языка в настоящее время является предметом исследования многих лингвистов. Повышенное внимание к данной теме обусловлено общим высоким интересом к проблеме «Язык и культура», которая, в свою очередь, получила новый импульс развития в рамках складывающейся сейчас новой, антропоцентрической парадигмы современной лингвистики.

В рамках лингвистической культурологии, призванной изучать «язык в тесной связи с человеком, его сознанием, мышлением и духовно-практической деятельностью» [Постовалова 1988: 8], необходимость создания единой теории языка и человека делает естественным и необходимым обращение к фразеологической системе языка, которая, по общепринятому мнению, представляет собой наиболее национально-детерминированное и самобытное явление.

В классической фразеологии разрабатывались различные вопросы: определение роли эмоционально-экспрессивных факторов в становлении фразеологических (идиоматических) значений, взаимодействие семантики и грамматики в рамках различных структурных групп фразеологизмов, определение внутренних закономерностей, управляющих связью слов и словесных значений в семантической системе русского языка и определяющих специфику образования разных типов фразеологических единиц.

Фразеологические обороты различных языков привлекали внимание исследователей и определялись под различными названиями в специальных сборниках и толковых словарях, начиная с конца XVIII века. Так, М.В.Ломоносов чувствовал близость «фразесов» русского языка к слову и предлагал включить их в словари. Однако как лингвистическая дисциплина фразеология возникла лишь в 40-е годы XX века (впервые вопрос о фразеологии как лингвистической дисциплине был поставлен выдающимся ученым

Е.Д. Поливановым). В классической фразеологии были освоены многие аспекты. Так, вопрос о «внутренней форме» фразеологизмов и знаковом характере фразеологических оборотов разрабатывался А.А. Потебней. Академик И.И. Срезневский впервые указал на связь фразеологии со словообразованием. Ф.Ф. Фортунатов и его школа поставили проблему изучения устойчивых выражений с точки зрения семантических и грамматических признаков их компонентов.

С конца 70-х начала 80-х оформляется новый период в изучении фразеологии, названный «постклассический». Приоритетным в области фразеологических исследований становится изучение содержательной и функциональной сторон языковых явлений.

Развитие лингвокультурологического подхода к изучению фразеологии ориентирует исследователя на изучение соотношения фразеологизмов и знаков культуры и актуализирует значение системы эталонов, стереотипов, символов и т.п. для описания культурно-национальной специфики фразеологической системы.

В.А. Маслова, рассматривая русскую фразеологию в лингвокультурологическом аспекте, выделяет следующие принципы осмысления национального фразеологического и паремиологического наследия:

1. В большинстве фразеологизмов есть «следы» национальной культуры, которые должны быть выявлены.

2. Культурная информация хранится во внутренней форме ФЕ, которая, являясь образным представлением о мире, придает фразеологизму культурно-национальный колорит.

3. Главное при выявлении культурно-национальной специфики — вскрыть культурно-национальную коннотацию [Маслова 2001: 82].

При рассмотрении национально-культурной специфики фразеологизмов важное место занимают проблемы анализа во фразеологическом аспекте концептов как структур национального сознания, единых для всех представителей данного социума. Народная культура во все

времена была той объективной средой, где рождалось меткое слово, чувственный образ, яркий и неповторимый в своей экспрессивности и оценочности. Связь истории, культуры, мировосприятия русских особенно ярко проявляется в лексико-фразеологической системе, аккумулирующей социально-исторические, оценочные сведения общегуманитарного и конкретно-национального характера.

Рассмотрим, как вообще возникают фразеологические единицы. «Сначала в мире возникает некая прототипная ситуация, то есть ситуация, соответствующая буквальному значению фразеологизма, например, человек, поскользнувшись, сел на калошу. За ней закрепляется содержание, которое затем переосмысливается, то есть формируется образ фразеологической единицы на основе первичных значений слов в прототипной ситуации. Именно эти первичные слова оставляют в образе свой след. Так возникает внутренняя форма, в которой и содержится основная информация, связанная с культурой. Культурную информацию можно получить из внутренней формы фразеологизма, ибо в ней наличествуют «следы» культуры – мифы, архетипы, обычаи и традиции, отраженные исторические события и элементы материальной культуры» [Маслова 2001: 84].

Непременным признаком фразеологизма является невыводимость его значения из значений входящих в его состав слов. Так, *работать (трудиться) засучив рукава* означает «работать с большим усердием, старательно и добросовестно». Идиоматичный смысл в данном случае «возникает как бы помимо слов, составляющих выражение, и может даже противоречить им» [Фелицына, Мокиенко 1990: 43].

Следует подчеркнуть, что прямой смысл словосочетания всегда предшествует появлению у этого выражения идиоматического смысла, так что в исторической перспективе развитие идёт от свободного словосочетания к фразеологическому. Какова история появления идиоматического смысла у рассматриваемого нами выражения? Выражение *засучив рукава* связано с особым покроем одежды в Древней Руси. Верхняя одежда шилась с такими

длинными, расширяющимися к концу рукавами, что они доходили до колен, а иногда и до самых пяток. Такая одежда была оправдана суровым русским климатом: длинные рукава в какой-то мере заменяли рукавицы, о которых древние письменные источники не упоминают. Делать что-либо со спущенными рукавами было невозможно, потому их засучивали. Со временем выражение *засучив рукава* путём обычного в языке переноса значения с конкретной ситуации на более широкий круг смежных ситуаций приобрело идиоматический смысл. Появление идиоматического смысла способствовало широкой употребительности выражения: слова в его составе сплелись в единое целое и частично потеряли собственные, самостоятельные значения – возник фразеологизм. «Возникновение фразеологизмов, как правило, представляет собой процесс приобретения свободным словосочетанием переносного, метафорического (идиоматического) значения. В результате этого словосочетание как бы «застывает», становится «устойчивым», «связанным» [Фелицына, Мокиенко 1990: 44].

Таким образом, фразеологические сочетания возникают путём переносного переосмысления свободных словосочетаний, и во многих случаях метафоричность уже не ощущается. Следовательно, необходимо различать сам фразеологизм с его идиоматическим значением и генетический прототип этого фразеологизма, то есть некогда свободное словосочетание с его прямым смыслом.

Как мы видим, в формировании фразеологизма, то есть в отборе образов прослеживается их связь с культурно-национальными стереотипами и эталонами. Эта информация затем как бы воскрешается в коннотациях, которые отображают связь ассоциативно-образного основания с культурой (эталонами, символами, стереотипами).

Поскольку именно ценностная картина мира, концептосфера национального языка признается в лингвокультурологии стержнем духовной культуры, одной из важнейших задач становится выявление и анализ ее ключевых терминов, важнейших в миропонимании носителей языка.

В настоящее время появилось множество лингвокультурологических исследований, где авторы (Н.Ф. Алефиренко, Н.Д. Арутюнова, В.И. Карасик, Ю.Н. Караулов, В.Н. Телия, Ю.С. Степанов и др.) стремятся выявить для отдельных универсальных понятий любой культуры (таких как свобода, мысль, судьба, любовь и пр.) их национальный образ, зафиксированный в наивной картине мира. Концептуальная модель понятия определяется путем анализа его употребления в языке. Привлечение фразеологического материала, рассмотрение внутренней формы фразеологизма в качестве ключа к пониманию содержания того или иного концепта культуры становится необходимым. «В моделировании языковой картины мира существенное значение имеет фразеологический образ. Непосредственно отражаясь в значении фразем, он способствует выражению и пониманию наиболее ярких фрагментов языковой картины мира, связанных с образным восприятием предметов и явлений окружающей действительности» [Алефиренко, Семененко 2009: 46].

Основной целью лингвокультурологического анализа фразеологических единиц является «выявление и описание культурно-национальных коннотаций, узуально сопровождающих значение в форме образных ассоциаций с эталонами, стереотипами и другими культурными знаками и соотносимых друг с другом посредством когнитивных процедур, придающих этим коннотациям осмысление» [Телия 1993: 308]. Владение культурной коннотацией фразеологических единиц является для представителей одного языкового социума в той или иной степени обязательным для выражения культурно-языковой компетенции. Нельзя мыслить о мире, не зная основных категорий культуры своего языкового этноса. Культурные сущности, усваиваемые человеком «с молоком матери», лежат в основе понимания мира, в основе представлений о пространстве и времени, причине, следствии, судьбы, жизни, смерти, личности, воле, совести, труде, богатстве-бедности, семье, любви, дружбе, родине и т.п. Фразеологические единицы воплощают в себе культурные сущности обычно в национально-самобытной форме. Именно поэто-

му интерпретация культурно-национальных коннотаций фразеологических единиц «нацеливает» на понимание глубинных черт народного менталитета.

В рамках лингвокультурологического подхода национально-культурное своеобразие фразеологизмов видится в том, что они заключают в себе комплекс наивных представлений носителей языка о том или ином эталоне, стереотипе, концепте национальной культуры. Анализ фразеологизма, каким-либо образом указывающего на определенное понятие духовной культуры, выявляет этнокультурную коннотацию анализируемого понятия, своего рода «штрих к портрету», а анализ совокупности подобных фразеологизмов дает полную картину исследуемого концепта во фразеологической картине мира. Таким образом, фразеологизм понимается как микротекст, структурирующийся в ходе интерпретации носителем языка всех типов семантической информации фразеологизма в семантическом пространстве культурного знания, принадлежащего субъекту речевого общения.

Лингвокультурологический комментарий значений фразеологических единиц восстанавливает то, что в речи осуществляется носителем языка нереллексированно, мгновенно, в «свернутом» виде. Носитель языка получает возможность «узнать» те представления, знания и ассоциации, возникновение которых он не успевает зафиксировать в процессе употребления и восприятия фразеологизмов в речи, которое при этом мы не считаем автоматическим – выбор того или иного фразеологизма в речи не случаен, а обусловлен его культурно обусловленной семантикой. Лингвокультурологическое осмысление позволяет «развернуть» микротекст, который «сжат» в семантике фразеологизма.

В процессе культурной интерпретации фразеологизма образ «погружается» во «внутреннее» культурное пространство – знания, представления, образы, ассоциации и т.п., которое, в свою очередь, постоянно апеллирует к «внешнему» – предметам, текстам и действиям культуры. Интерпретация образа фразеологизма в культуре организуется при «поиске» культурных смыслов с помощью системы тематических кодов. Слова-компоненты фразеоло-

гизма соотносятся в сознании человека с системой тематических кодов культуры; в кодах культуры ведется «поиск» культурных смыслов данных компонентов, подтверждается их устойчивость и значимость как вербальных знаков культуры. Например, в семантику фразеологизма *звезд с неба не хватает* входит культурный смысл – смысл особой отмеченности человека, его ярких достижений и побед. Этот смысл входит в семантику фраземы со знаком «минус»: *«обычный; без выдающихся способностей; не достигший больших успехов»*. При этом «космический» компонент фразеологизма – *звезда* – является именем реалии, которая получила переосмысление в культуре, стала знаком особой отмеченности человека, знаком ярких достижений и побед. Об этом свидетельствуют другие знаки, принадлежащие к такому культурному коду: предметы материального мира, изображения природной реалии – звезды (наградной знак; узор на тканях; элемент архитектурного украшения и др.), различные действия (наименование небесного тела именем выдающегося деятеля; ритуал награждения; установление именного знака в Аллее звезд и др.), литературные образы звезды и т.д.

Современные исследования показывают, что во фразеологизме и предметно-понятийное значение, и грамматическое значение находятся в зависимости от коннотативного содержания фразеологизма (в том числе его этнокультурных коннотаций), которое служит отражением ассоциативных связей предметов, явлений, их действий, свойств, отношений между ними – объектов вторичной номинации. Мы будем исходить из определения коннотации, согласно которому под коннотацией понимается «любой прагматически ориентированный компонент плана содержания языковых сущностей (морфем, слов, фразеологизмов и отрезков текста), который дополняет денотативное и грамматическое их содержание на основе сведений, соотносимых с прагматическими факторами разного рода» [Телия 1996: 107].

В.Н. Телия и другие исследователи рассматривают оценочный, ассоциативно-образный, эмотивный и функционально-стилевой коннотативные компоненты. Кроме того, в коннотации можно выделить национально-

специфические представления определенного этноса. Эмоционально и экспрессивно окрашенные лексемы в составе фразеологизмов нередко представляют знание носителей языка о реалиях материального мира, которые проявляются в данной национально-культурной среде благодаря географическим и климатическим особенностям, специфике духовной и материальной культуры, религиозным воззрениям, традициям, мифологическим представлениям народа. «В самом формировании фразеологизмов, т. е. в отборе образов прослеживается их связь с культурно-национальными стереотипами и эталонами. Эта информация затем как бы воскрешается в коннотациях, которые отображают связь ассоциативно-образного основания с культурой (эталонами, символами, стереотипами)» [Маслова 2001: 84].

Для выражения своего отношения к миру субъект речи может выбрать как экспрессивно окрашенные, так и нейтральные средства - в зависимости от свойств объекта оценки и его общественной значимости. Эмотивность (эмоциональность) так же, как и другие компоненты, участвует в создании выразительности, то есть экспрессивности, так как «экспрессивность — это усиление восприятия за счет эмоциональной реакции, вызванной образностью» [Телия 1996: 112]. Можно смело утверждать, что «именно фраземы, являясь чаще всего яркими, образно-эмоциональными, экспрессивно-оценочными средствами русского языка, способствуют созданию эстетически значимой, содержательной, эмоционально-оценочной, выразительной картины мира, своеобразие которой заключается в восприятии чувственно осязаемых, наглядных образов» [Алефиренко, Семененко: 2009: 46]. Основное условие образности идиоматических единиц заключается «в их способности совмещать прямые и переносные значения устойчивого сочетания слов» [там же].

Оценка, закрепленная в культуре в качестве одного из компонентов значения слова или фраземы, наряду с действительно присущими ей характеристиками типа «хорошее – плохое», указывает на возможность ее рассмотрения с точки зрения таких типов модальных отношений, как сомнитель-

ность, вероятность, достоверность и другие. Н.Д. Арутюнова, отмечая, что «природа оценки отвечает природе человека», отдает «предпочтение нормативному, обогащенному (или осложненному) телеологическим принципом...: хорошее значит соответствующее идеализированной модели макро- или микромира, осознаваемой как цель бытия человека, а, следовательно, и его деятельности: плохое значит не соответствующее этой модели по одному из присущих ей параметров» [Арутюнова 1999: 181].

В современной фразеологической теории особую актуальность приобретает комплексный анализ фразеосемантики, включающей в себя этнокультурный элемент, придающий, наряду с другими компонентами, фразеологическому значению особую специфичность. И хотя, безусловно, не все фразеологические единицы имеют национально-культурную специфику, немалая часть единиц направлена на осмысление и оценивание явлений окружающего мира в определенном культурологическом направлении.

Формирование семантики фразеологического оборота обеспечивается комплексом трех блоков, неразрывно связанных между собой: денотативно-сигнификативного, коннотативного, грамматического, - из которых доминирующую роль играет коннотативный. Поэтому описание семантических особенностей фразеологических единиц предполагает обязательно выявление семантических и национально-культурных компонентов, формирующих содержательную структуру фразеологизмов, то есть их лингвокультурологический анализ. Национально-культурная информация во фразеологической единице чаще всего актуализируется лексическими компонентами, входящими в состав образного выражения, в других случаях ее можно извлечь путем анализа всего содержания фразеологизма, выявления его этимологии. Эта информация затем как бы проявляется в коннотациях, которые отображают связь ассоциативно-образного представления с культурой.

Итак, в сфере фразеологии отражается видение мира, национальная культура, традиции и обычаи данного народа. Идиоматика непосредственно

соотносится с наивными представлениями о мире, культурой, духовной жизнью носителей языка и, в частности, фольклором.

§ 3. Жанрово-видовые, структурно-семантические и лингвокультурологические параметры описания народно-афористического фонда

Большой интерес современных филологов к паремиологии объясняется прежде всего тем, что, составляя важнейший элемент духовной культуры, пословицы и поговорки заключают в себе смысловое богатство, демонстрируют семантическую емкость языка и в краткой лаконичной форме фиксируют миропонимание говорящего на этом языке народа. Пословицы не только отображают действительность и выражают отношение носителей определенного языка к тем или иным фрагментам мира, но и воспроизводят из поколения в поколение культурно-национальные установки, формируют «фонд народной мудрости». Паремиологические единицы позволяют проникнуть в область мыслительной и культурной деятельности определенного этноса и открывают широкие возможности для проведения лингвокультурологического исследования.

Паремии являются объектом изучения многих лингвистов, занимающихся исследованиями в области фразеологии (Н.Ф. Алефиренко, Н.Д. Артюнова, В.Г. Гак, В.М. Мокиенко, В.Н. Телия и др.). Большинство из них включает в область паремиологии афоризмы фольклорного происхождения, прежде всего пословицы и поговорки. Народные афоризмы наряду с афоризмами авторскими образуют целый пласт языковых выражений, который входит во фразеологический фонд русского язык.

От фразеологизмов пословицы и поговорки отличаются различным образом, но в первую очередь структурно-семантическими признаками. Паремии представляют собой законченное предложение. «В основе их целостного смыслового содержания лежат не понятия, а суждения. Поэтому пословицы и поговорки не могут быть носителями лексического значения, которое присуще фразеологизмам; смысл их может быть передан только

предложением (нередко развернутым), тогда как значение фразеологизма передается словом или словосочетанием» [Кунин 1986: 98]. В отличие от фразеологизмов пословицы могут реализовывать и прямое, и переносное значения, причем нередко оба значения переплетаются в коммуникативном акте. «Пословицы, в силу своей двуплановости, а также поговорки, употребляющиеся в буквальном смысле, состоят из слов с вполне определенным самостоятельным лексическим значением, чего нельзя сказать о фразеологизмах, компоненты которых полностью или частично лишены семантической самостоятельности. Слова, входящие в состав пословиц и поговорок и выражающие наиболее существенные стороны мысли, нередко выделяются или, по крайней мере, могут быть выделены логическим ударением. Почти ни на одном из компонентов фразеологизма нельзя сделать логического ударения. Фразеологизмы, таким образом, лишены актуального членения» [там же].

Пословицы и поговорки всех типов имеют сложную структуру. В отличие от фразеологизма они, как правило, эквивалентны предложению. С одной стороны, они представляют собой определенные языковые клише, сходные с обычными фразеологизмами, но отличающиеся от них мотивировкой общего значения, с другой стороны - это логические образования, которые моделируют отношения между вещами.

Еще одной из лингвистических проблем является разграничение двух понятий: пословица и поговорка. Одной из самых заметных теоретических работ по разграничению данных терминов является типологическая классификация Г.А. Пермякова. В ней указывается, что «пословица – грамматически законченное (имеющее вид предложения) изречение с образной мотивировкой общего значения, т.е. требующее расширительного толкования» [Пермяков 1970: 150]. «Поговорка – грамматически незаконченное (не составляющее предложения) изречение с образной мотивировкой общего значения» [Пермяков 1970: 155].

Составитель знаменитого словаря русских пословиц, поговорок и прибауток В. Даль дает, прибегая, в том числе, к образным формулировкам, следующее определение пословицы и поговорки: «Пословица – коротенькая притча; сама же она говорит, что голая речь не пословица. Это – суждение, приговор, поучение, высказанное обиняком и пущенное в оборот, под чеканом народности. Пословица – обиняк, с приложением к делу, понятый и принятый всеми. Но одна речь не пословица: как всякая притча, полная пословица состоит из двух частей: из обиняка, картины, общего суждения и из приложения, толкования, поучения; нередко, однако же, вторая часть опускается, предоставляется сметливости слушателя, и тогда пословицу почти не отличишь от поговорки. Вот примеры полных пословиц: «Во времени пождать, у бога есть что подать»; «Всякая рыба хороша, коли на уду пошла». Поговорка, по народному же определению, цветочек, а пословица ягодка; это верно. Поговорка – окольное выражение, переносная речь, простое иносказание, обиняк, способ выражения, но без притчи, без суждения, заключения, применения; это одна первая половина пословицы. Поговорка заменяет только прямую речь окольной, не договаривает, иногда и не называет вещи, но условно, весьма ясно намекает. Она не говорит: он пьян; а скажет: «У него в глазах двоится, он навеселе, язык лыка не вяжет, он не свиснет, он закатил за ворот, он по одной половице не пройдет, он мыслете пишет» и пр. Вместо «он глуп» она говорит: «У него не все дома, одной клепки нет, он на цвету прибит, трех не перечтет; под носом взошло, а в голове и не посеяно» и пр. Замест ровни, дружки говорит она: «Одного поля ягода, одного сукна епанча, одной руки пальцы» и пр. Выражая, например, общее понятие одиночества, поговорка различает состояние это, по всем его отношениям: «Один, как верста в поле; один, как маков цвет; один, как золотой перстень; один, как перст; один, как порох в глазу; один, как бухалень (как выпь на болоте), как медведь в берлоге» и пр.» [Даль 2003: 10].

В лингвистическом энциклопедическом словаре пословица определяется как «краткое, устойчивое в речевом обиходе, как правило, ритмически организованное изречение назидательного характера, в котором зафиксирован многовековой опыт народа, имеющее форму законченного предложения, обладающее буквальным и переносным значением, или только переносным» [Жуков 2002: 253].

С.Г. Лазутин предлагает следующие трактовки паремиологических единиц: «Пословица – это краткое, нередко ритмизованное изречение, представляющее собой законченное предложение и выражающее определенное умозаключение» [Лазутин 1990: 57]. «Поговорка – широко распространенное образное выражение, метко определяющее какое-либо жизненное явление. В отличие от пословиц, к которым они близки по своей форме, поговорки лишены прямого поучительного смысла и ограничиваются образным, нередко иносказательным определением какого-либо явления» [там же].

Важно также учитывать формальный тип конструкции паремии, ее синтаксический строй и возможность вступать в парадигматические отношения. Пословицы, всегда имеют структуру предложения (У скупого и в крещенье льду не выпросишь), а поговорки могут быть представлены как предложениями (Что в людях, то у и нас; Из комара делают слона), так и словосочетаниями (понес дичь). «Паремии обладают планом выражения и планом содержания и, следовательно, включаются в систему синтагматических и парадигматических отношений языка. Паремии образуют тематические группы, могут вступать в отношения синонимии и антонимии, кроме того, различные варианты пословиц и поговорок образуют вариантные парадигмы» [Алефиренко, Семенович: 2009: 240].

Таким образом, пословица – это краткое, нередко ритмизованное изречение, представляющее собой законченное предложение и выражающее определенное умозаключение, а поговорка – широко распространенное образное выражение, метко определяющее какое-либо жизненное явление. В отличие от пословиц, к которым они близки по своей форме, поговорки

лишены прямого поучительного смысла и ограничиваются образным, нередко иносказательным определением какого-либо явления.

Главной особенностью пословицы является ее законченность и дидактическое содержание. Поговорка отличается незавершенностью умозаключения, отсутствием поучительного характера. Пословица – грамматически законченное (имеющее вид предложения) изречение, поговорка, как правило, грамматически незаконченное (не составляющее предложения) изречение.

Пословица обладает буквальным и переносным смыслом (*Близок локоть, да не укусишь*) или только переносным (*Горбатого могила исправит*) и легко противопоставляется свободному предложению такого же лексического состава. Пословицам, как и поговоркам, свойственна вариативность (*Чует кошка, чье мясо съела*); они вступают в синонимические отношения (*На безрыбье и рак рыба, В поле и жук мясо, В темноте и гнилушка светит и т.п.*); объединяются в тематические ряды по принципу смысловой общности (например, вокруг смыслового гнезда «внешность и сущность» (*Видна птица по полету, Видом орел, а умом тетерев, Не всяк казак, что шапка набекрень, Не за то волка бьют, что сер, а за то, что овцу съел и другие*)).

В последние десятилетия отмечается тенденция к исследованиям материала русского языка с целью выявления специфики картины мира, отраженной во фразеологии. В силу компрессии общественного опыта в пословицах наиболее ярко проявляется национально-культурная специфика языка, его связь с материальной и духовной жизнью народа, его историей. Внимание, уделяемое в современной лингвистике отражению в языке когнитивной деятельности человека, привело исследователей к изучению паремий, в которых представлен социально-исторический и житейско-бытовой опыт народа-носителя языка.

С лингвокультурологических позиций могут быть рассмотрены и паремии как потенциальный и реальный объект фразеологии. «В основе

лингвокультурологии лежит изучение кумулятивной (накопительной) функции языка, в которой язык выступает как хранилище и средство передачи внеязыкового коллективного опыта, а наиболее ярко они проявляются в пословицах и поговорках» [Маслова 2001: 108]. Пословицы и поговорки часто служат источником разнообразной лингвокультуроведческой информации. Более того, как средство наглядно-образного выражения мысли, паремии часто употребляются в общественной коммуникации благодаря таким свойствам, как сложность семантической структуры, способность к ассоциативным связям и окказиональным преобразованиям.

Давно замечено, что мудрость и дух народа проявляются в его пословицах и поговорках, а знание пословиц и поговорок того или иного народа способствует не только лучшему знанию языка, но и лучшему пониманию образа мыслей и характера народа. Паремический фонд является «внутренне организованной областью аккумуляции и ретрансляции культуры, важнейшей сферой вербального отражения наивной картины мира» [Семененко, Шипицына 2005: 15].

Пословицы и поговорки появлялись на протяжении многовековой истории народа и уходят своими корнями в глубь веков. Многие из них появились еще в дописьменную эпоху. Можно сказать, что пословицы и поговорки имеют народное происхождение, что их первоисточник находится в коллективном разуме народа: «Пословицы по самой форме своей не подвержены искажению и потому являются памятником издавна сложившихся воззрений. Пословицы являются главным источником мудрости предков, хранителями памяти и орудием передачи человеческого опыта» [Афанасьев 1996: 15].

Паремии относятся к общемировоззренческому жанру, они охватывают все области общественной и частной жизни, сопутствуют существующим принципам нравственности, тесно связанным с религиозными понятиями, с

представлениями об этических нормах, что позволяет говорить о сакральной функции паремии как об одной из важнейших.

Пословицы и поговорки живут в сознании людей как клише, в которых заложена определенная модель поведения. Паремии заключают в себе систему ориентиров, которыми может руководствоваться любой человек, носитель языка, при выборе рациональной линии поведения и участии в контактах с окружающим миром.

Многие исследователи отмечают двойственную сущность паремии, а именно сочетание в ней свойств текста и языкового знака. Это обуславливает ее способность, с одной стороны, заключать в себе определенную логическую структуру (суждение, побуждение и т.п.), с другой же – опираться в своем значении на некое ключевое мыслительное единство, сочетающее в себе свойства понятия и представления, которое в самом общем виде, можно выразить одним словом. Кроме того, такие выразительные средства, как точная рифма, простая форма, краткость сделали пословицы и поговорки стойкими, запоминаемыми и необходимыми в речи.

Пословица может быть многозначна и многосмысленна. Многозначность обусловлена, в первую очередь, способностью человеческого сознания выявлять обобщенную семантику, порождаемую пословичным образом, на разных уровнях абстракции. Многосмысленность вызывается способностью предложения одной и той же синтаксической структуры передавать в различных контекстных ситуациях нетождественные модальные и оценочные смыслы.

Тенденцию исследования пословично-поговорочных единиц как своеобразного хранилища сведений о народной жизни, некоего фонда, в котором аккумулируется не только быт, но и история, верования, обычаи, обряды русского народа, можно проследить по работам как исследователей прошлого (В.И. Даля, Ф.И. Буслаева, Б.А. Ларина и др.), так и современных ученых (Н.Ф. Алефиренко, Н.Д. Арутюновой, В.И. Карасика, В.А. Масловой, В.М. Мокиенко, Н.Н. Семененко и др.).

В современной лингвистике лингвокультурологический подход позволяет выявлять порой неожиданную взаимосвязь паремий и концептов в сознании носителя языка при попытке конструирования национальной картины мира. Лингвокультурологический анализ пословиц и поговорок неразрывно связан с внешними факторами: с историей страны, ее культурой, бытом и т.д. Исследование пословиц и поговорок в данном аспекте помогает уточнить, а в ряде случаев установить дополнительные смысловые оттенки пословиц с национально-культурной семантикой. Например, Л.Б. Савенкова, анализируя концепт «свое» в русском паремиологическом пространстве, проследила его связь с концептом «поп». «В четырех остальных (пословицах) – *Когда не поп, так и не мыкайся в ризы!*; *Не наше дело, попово; не нашего попа, чужого*; *Не наше дело попа каять, на то есть другой поп*; *Не наше дело попа учить, пусть его черт учит* – второй субъект подразумевается. Это прихожанин или прихожане, для которых священник выступает в качестве проводника Божьего слова и Божьей воли. Ни заменить его собой, ни спрашивать с него ответа за проступки, ни поучать его мирянин права не имел» [Савенкова 2002: 183].

Итак, идея отражения в языке национальной культуры является сегодня одной из ведущих в антропоцентрической лингвистической науке. Культурологическое осмысление языковой картины мира «может обрести новые идеи и из лингвистики, в частности из лингвистической семантики. Семантическая точка зрения на культуру есть нечто такое, что анализ культуры едва ли может позволить себе игнорировать» [Вежбицкая 1999: 263]. Большое значение во взаимодействии языкознания и культурологи имеет исследование паремиологических единиц (пословиц и поговорок), которые, отличаясь большим разнообразием, реагируют на все явления действительности, отражают жизнь и мировоззрение народа во всем многообразии, репрезентируют бытовые, социальные, философские, религиозные, морально-этические, эстетические представления, составляющие основу национальной концептосферы.

Глава II. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПОВЕДЕНИИ ЧЕЛОВЕКА В НАЦИОНАЛЬНОМ ФРАЗЕОФОНДЕ И ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

§ 1. Выражение нравственных ориентиров в национальной концептосфере и русском паремическом фонде

Антропологический подход предполагает изучение языка в тесной связи с сознанием и мышлением человека, его культурной и духовной жизнью. «Связь языка с миром определяет и его специфическую фактичность. Дела и обстоятельства — вот что выражается в языке» [Гадамер 1988: 37]. Осмысление языковой картины мира в современной лингвокультурологии весьма разнообразно, а одним из ведущих направлений становится изучение смыслового, когнитивного и миромоделирующего потенциала лексических и фразеологических единиц.

Возникшая как реакция на механистическую концепцию языка XVII–XVIII вв., а также на логические концепции, лингвистическая концепция Гумбольдта опирается на идеи И. Гердера о природе и происхождении языка, о взаимосвязи языка, мышления и «духа народа». В. Гумбольдт представляет язык как живую деятельность человеческого духа, единую энергию народа, как созидающий, порождающий процесс, как напряженное живое целое.

Основная цель гумбольдтианской лингвистики — тщательное исследование разных путей, какими бесчисленные народы решают всечеловеческую задачу постижения объективной истины путем языков. Разные пути — это не разные звуковые обозначения одного и того же предмета, а различные способы его языкового видения. В концепции Гумбольдта есть место как рациональному, так и интуитивному: «Разделение человечества на народы и племена и различие его языков и наречий, конечно, тесно взаимосвязаны между собой язык возникает из таких глубин человеческой природы, что в нем никогда нельзя видеть намеренное произведение, создание народов он вовсе не продукт чьей-либо деятельности, а произвольная эманация Духа, не созда-

ние народов, а доставшийся им в удел дар, их внутренняя судьба» [Гумбольдт 1985: 52].

В современной лингвистике при изучении проблем языковой концептуализации основными становятся концепции национальной специфичности языковой личности и языкового сообщества. Последовательным исследователем в этой области является А. Вежбицкая. Она исходит из того, что любой язык образует свою концептосферу, свою «семантическую вселенную», которая, например, представляет трудности при переводе, даже при точнейшей лексической и синонимической адекватности, так как настоящая проблема кроется в сложности передачи национального духа. Известно, например, что перевод эпосов, былин требует дополнительной компетенции, знаний, охватывающих историю и культуру народа.

Язык определенной нации, с одной стороны, отражает культурную и социальную жизнь носителей языка, с другой стороны, определяет, структурирует самосознание, мировоззрение конкретного этноса. В языковой картине мира того или иного народа отражаются как универсальные ценности, так и уникальные знания, представления, понятия об окружающем мире и формах его освоения. «При изучении закрепленного в данном языке описания мира необходимо также выявить не только общие, универсальные принципы организации невидимой действительности, но и закономерности, предпочитаемые тем или иным языком — как самим его строим, так и национально-культурным сознанием его носителей» [Телия 1988: 189].

При этом этнокультурное сознание включает не только осознанное, структурированное и вербализованное знание, но и неосознанное, подсознательное. Культурно обусловленное сознание интегрирует знания об артефактах, а также правилах и нормах коммуникативного поведения. Специфика национальной картины мира наиболее очевидна в процессе образного ее представления, поэтому именно в условиях творческого (представленного в фольклоре и литературе) словоупотребления становится возможным структурирование этноязыкового сознания. Этнокультурное сознание опосредует

акты мировосприятия и миропонимания в процессе образного мышления, а также осуществляет построение фольклорных образов объективного мира, используя особый арсенал языковых единиц.

Размышляя о взаимосвязи русской культуры и национального языка, Д.С.Лихачев вводит термин «концептосфера», понимая под ним совокупность всех концептов, формирующих определенную ментальность и культуру. Продолжая мысль С.А. Аскольдова о том, что концепт выполняет функцию заместительства в виде познавательных средств, Д.С. Лихачев полагает, что «концепт существует не для самого слова, а, во-первых, для каждого основного (словарного) значения слова отдельно и, во-вторых, предлагает дочитать концепт своего рода "алгебраическим" выражением значения... которым мы оперируем в своей письменной и устной речи» [Лихачев 1997: 281].

Концептосфера и связанная с ней языковая картина мира – явления многогранные, на их формирование и развитие заметно влияют культурные реалии и история этноса. Национальная языковая картина мира – это специфическая внутриязыковая реальность, функционирующая и в индивидуальном, и в массовом сознании, выражая тем самым мировоззрение не только как индивидуальный, но и как массовый феномен.

Исследуя национальную концептосферу в «Словаре русской культуры», анализируя концепты, характерные для российской культуры, Ю.С. Степанов, отмечает, что их количество не велико, около четырех-пяти десятков («вечность», «человек», «закон», «слово», «любовь», «вера» и др.), и «духовная культура состоит в значительной степени из операций с этими концептами» [Степанов 2004: 288].

А.Д. Шмелев в статье «"Русская ментальность" в зеркале лексических данных» утверждает, что фундаментальные черты русского национального характера (тенденция к крайностям, эмоциональность, ощущение непредсказуемости жизни и недостаточность логического и рационального подхода к ней, тенденция к «морализаторству», «практический идеализм», ощущение неподконтрольности жизни человеческим усилиям, нелюбовь к дисциплине,

склонность к отрыву теории от практики) ярко отражаются в ряде лексических сфер:

1) слова, соответствующие определенным аспектам универсальных философских концептов (правда/истина, долг/обязанность, свобода/воля, добро/благо)]

2) слова, соответствующие понятиям, существующим и в других культурах, но особенно значимым именно для русской культуры и русского сознания (судьба, душа, жалость);

3) слова, соответствующие уникальным русским понятиям (тоска, удаль и др.);

4) слова, отражающие специфику русского представления о пространстве и времени (пространственные и временные наречия и предлоги: утром, наутро, под утро, сутра, поутру и др.);

5) слова, определенным образом концептуализирующие события, случившиеся в жизни субъекта, или его планы на будущее (собираюсь, постараюсь, сложилось, угораздило и др.);

6) модальные слова, частицы, междометия, выражающие не просто внутреннее состояние говорящего в момент речи, а его более или менее постоянную жизненную установку (авось, небось, заодно, видно, же, как будто, угу, -то, -ка и др.) [Шмелёв 1995: 168-169].

Национальный язык предоставляет огромные возможности для репрезентации ключевых концептуальных представлений. Однако можно утверждать, что объективация культурных ценностей и нравственных ориентиров происходит в первую очередь за счет лексико-фразеологической системы русского языка. Её изучение позволяет воссоздать речевой портрет русской языковой личности – представителя русской этнолингвокультуры. Кроме того, паремиологический фонд русского языка как часть национальной фразеологии «инвентаризует» набор моделей, ситуаций и отношений, возникающих в сообществе его носителей» [Савенкова 2002: 34]. Таким образом, для выяв-

ления исторически сложившихся ценностных приоритетов русского народа важно установить, как ценности запечатлеваются во фразеологии и паремииологии.

В самом общем виде понятие «ценность» определяется как «как объект разнообразных человеческих желаний и устремлений» [Кисель 1978: 491]. История философии и культурологи показывает, что ученые признавали существование общезначимых ценностей и ценностей субъективных, личностных, что обусловлено, с одной стороны, самобытностью этнических культур, с другой – разнообразием типов личности. Ценности имеют самый разный характер в зависимости от того, к какой сфере бытия они приложимы. Выделяют экономические, утилитарно-практические, познавательные, нравственные, общественно-политические, религиозные, эстетические и другие ценности [Столович 1994: 10].

Безусловно, аксиологическая система должна рассматриваться в связи с культурой народа. «Ценность – особый тип мировоззренческой ориентации людей, сложившееся в той или иной культуре представление об идеале, нравственных эталонах поведения. Факты, явления, события, происходящие в природе, обществе, жизни индивида, воспринимаются человеком не только посредством логической системы знания, но и через призму его отношения к миру, его гуманистических мерок, нравственных и эстетических норм» [Гуревич 1988: 3].

Народная культура во все времена была той объективной средой, где рождалось меткое слово, выразительный образ, яркий и неповторимый в своей экспрессивности и оценочности. Связь истории, культуры, мировосприятия русских особенно ярко проявляется в фразео-паремической картине мира, аккумулирующей социально-исторические, оценочные сведения общегуманитарного и конкретно-национального характера. Лингвокультурологический анализ этнокультурной специфики русских фразеологизмов, пословиц и поговорок обнаруживает их способность эксплицировать ценностные стерео-

типы и нравственные ориентиры русского народа, сформировавшиеся на протяжении веков в национальной культуре.

Образно репрезентированные аксиологические установки, сохраняемые в русских фразеологизмах и пословицах, позволяют расширить представление о национальных культурно значимых смыслах. «В русской паремиологической системе, сформировавшейся к XIX в., наиболее значимыми блоками ценностей являются морально-нравственный, в котором на первом месте стоят семья и правда; утилитарно-практический, где главными предстают такие ценности, как практическая полезность (толк) и то, что в целом оценивается как хорошее; бытийный, в котором остальным ценностям предпочитается благо как таковое, время и жизнь» [Савенкова 2002: 202]. Так, исследователь, проанализировав 7838 паремиологических единиц, репрезентирующих этические ценности, образует следующую последовательность (основной критерий в данном случае – частотность): семья (1437 пословиц), правда (728), безгрешность (586), честность (551), добро (483), гостеприимство (398), смирение, кротость, послушание (398), солидарность (348), сострадание, милосердие (332) и др.

Вопрос «как себя вести» был актуален для человека с давних времен. Каждая культура вырабатывала определенную систему норм поведения, обеспечивавшую психологическое равновесие в отдельном коллективе, в социуме, в этносе. Поведение - это единый процесс функционирования морально-этических, интеллектуальных, характерологических, психофизиологических качеств человека, проявляющихся в различных содержательных континуумах. При этом поведение, безусловно, связано с областью этических норм. «Ценностные, аксиологические аспекты поведения выступают наиболее отчетливо тогда, когда действие приобретает характер поступка, т.е. лично значимого акта, контролируемого системой принятых в обществе норм» [Липкипа, Спиркин, Ярошевский 1989: 452]. Национальная этика рассматривает поведение с точки зрения его нравственной значимости. Этические нормы регулируют наиболее ценностные для общества сферы социаль-

ных и личных отношений, поэтому они всегда вербализованы, в том или ином виде включены в тексты - в своды законов, уставов или неформальных канонов, например пословиц.

Правильное поведение и моральный облик человека составляли неразрывное единство, а потому два этих понятия всегда были объектом пристального внимания гуманитарных наук. Понятие «поведение человека» - объект исследования различных отраслей науки (социологии, психологии, культурной антропологии), при этом в языкознании оно изучено недостаточно, хотя имеет множество репрезентантов как в лексике, так и во фразеологии и паремиологии.

«В разные исторические периоды паремии (народные афоризмы: пословицы, поговорки и загадки) не просто представляют типичные жизненные ситуации, но и выражают эстетические представления народа, особенности его национального характера, характеризуют образ мышления, культурные стереотипы, ценностные приоритеты и т.д. Паремии играют особую роль в сохранении духовной и интеллектуальной культуры народа; особенно четко и образно они отражают те области человеческого бытия и сознания, которые связаны:

- 1) с осознанием человеком собственной сущности и закономерностей жизни,
- 2) с восприятием законов социума и осмыслением его традиций,
- 3) с осмыслением важнейших для человека и общества ценностных категорий, таких, как жизнь, смерть, судьба, здоровье, свобода, счастье, любовь и т.д.» [Семененко 2010: 22-23].

Казалось бы, поведение - явление универсальное для различных этносов, но в то же время те образные средства, в частности фразеологические и паремиологические единицы, которые мы обнаруживаем в разных языках, свидетельствуют о том, что понимание поведения значительно отличается, и это объясняется тем, что в языке зафиксирована эволютивность поведения человека на разных этапах его жизни. Императивность, экспрессивность и

оценочность языковых средств, описывающих поведение человека, связаны с отображением норм поведения того или иного народа, которые закрепляются в общественном сознании и передаются из поколения в поколение с помощью лексических и фразеологических единиц. Они употребляются, как правило, для передачи положительных или отрицательных черт характера человека, для выражения конфликтных ситуаций, в которых поведение человека неадекватно, отношения ко всякого рода неблагоприятным положениям дел, таким, как обман, угроза и т.д.

Итак, поведение человека — явление, отражающее в языке ситуации, участники которых соблюдают или нарушают определенные нормы, принятые обществом. Оно, безусловно, как социокультурный феномен находит широкий диапазон отражения во фразеологическом и паремиологическом фондах национального языка. Фразеологизмы, отражая в своей семантической структуре развитие культурных традиций, фиксируют и воспроизводят определенные ценностные установки, этические эталоны, культурные архетипы. Идиомы, по Ф.И. Буслаеву, своеобразные языковые микромиры, они содержат в себе «и нравственный закон, и здравый смысл, выраженные в кратком изречении, которые завещали предки в руководство потомкам» [Буслаев 1954: 37]. Для фразеологизмов, пословиц, ориентированных на человека, особую значимость приобретает коннотативное значение. Как правило, то, что характеризует человека, — его характер, поведение, действия и т.д. — представляет собой оценочные категории.

Во фразеологии и паремиологии поведение человека структурируется метафорически и таким образом находит образное свое выражение в единицах вторичной номинации. Единицы, репрезентирующие ценностные ориентиры в поведении человека, выступают как лингвокультурные микротексты, вызывают в сознании носителей языка определенную совокупность сведений о человеке, связь с определенными жизненными ситуациями, явлениями истории и культуры народа.

§ 2. Фразеологические и паремические репрезентации основных ценностных ориентиров в поведении человека

Фраземы и паремии – своеобразный выразитель народной мудрости, живущей и развивающейся внутри культуры. Система знаний о поведении человека опирается на ценностные ориентиры, сформированные на протяжении столетий и нашедшие свое отражение в малых фольклорных текстах – пословицах и поговорках.

Одной из общечеловеческих и национальных ценностей, становящихся ориентиром и целью человеческой жизни, является, на наш взгляд, понятие *счастье*, репрезентированное одноименной лексемой и синонимами: *радость, удача, удовольствие, наслаждение*.

В современном русском языке слово счастье имеет два основных класса употреблений, первое из которых является исторически первичным и отчасти устаревает, а второе сегодня становится основным и имеет высокий, торжественный оттенок:

1. «Удачное стечение обстоятельств, везение»: *счастье ему изменило, счастье в игре, Какое счастье, что..., К счастью, По счастью; Твое счастье, что... и т. п.* Здесь слово *счастье* эквивалентно глаголу *везет/повезло*, который постепенно его вытесняет (ср.: *дуракам везет* и более старое *дуракам счастье*).

2. «Высшее удовлетворение, земное блаженство»: *счастье материнства, семейное счастье; Истинное счастье человека — в науке и труде (Горький); Человек создан для счастья (Короленко)*.

Слово *счастливым* и фразеологические сочетания с данным компонентом могут соотноситься и с тем, и с другим значением: *счастливым случай, стечение обстоятельств, исход; счастливым билет, счастливым соперник* (значение 1) и *счастливым отец, счастливая улыбка, счастливое детство, счастливый брак* (значение 2).

У В.И. Даля первое значение является основным, он дает это слово с вариантом *со-частьё*, т. е. для него была очевидна внутренняя форма, указы-

вающая на необходимость единения: «совпадение», «общая часть». Даль разделяет дополнительно:

1. а) «судьба»: *Всякому свое счастье* и б) «случайность, желанная неожиданность, удача, успех».

2. «Благоденствие, благополучие, земное блаженство, желанная насущная жизнь без горя, смут, тревоги; покой и довольство, вообще все желанное, все то, что покоит и доволит человека, по убеждениям, вкусам и привычкам его» (другими словами — совпадение того, что есть, с тем, чего человек хочет).

Как мы видим, вторая формула удивительно точна и не содержит идеи «высокого» (более того, по крайней мере первая ее часть — «желанная насущная жизнь без горя, смут, тревоги» — ближе всего к тому, что впоследствии стало обозначаться выражением «мещанское счастье»: *И сит, и пьян, и нос в табаке*). По-видимому, в русском языке эпохи В.И. Даля лингвоспецифичный концепт «высокого», нематериального счастья еще не сформировался (по крайней мере, в том виде, в котором он существует в современном русском языке).

Интересно отметить, что около половины примеров, приводимых в словаре В.И. Даля на 2-е значение, можно сегодня «передать» 1-му: *Счастье, что вешнее вёдро (ненадежно); Со счастьем на клад набредешь, без счастья и гриба не найдешь, Дураку везде счастье и т. п.* Дело, видимо, в том, что в языке начала XIX в. значения «удача» и «благоденствие» были ближе друг к другу из-за того, они сосуществовали как две взаимообуславливающие особенности поведения человека: с одной стороны, без удачи невозможно благоденствие, с другой — правильная жизнь и есть главный залог счастливой судьбы, внутренний мир порождает внешнее благополучие.

Состояние счастья в русском сознании тесно связано с верой, с выполнением тех установлений, что даны человеку свыше: *Бог дает путь, а дьявол крюк; Ангел помогает, а бес подстрекает.*

В пословицах зачастую предложен императив, благодаря которому человек может быть по-настоящему счастливым: *Не так живи, как хочется, а*

так живи, как Бог велит; Доброго не бегай, а худого не делай. Русский человек воспринимает счастье как удачу, подарок, понимая, что управлять им невозможно: *Счастье не конь (не кляча), хомута не наденешь (не взнуздаешь), Счастье не корова: не выдоишь.*

Иногда счастье становится причиной несчастья: *Счастливы бывал, да бессчастье в руки поймал; Худо и добро в одних санях ездят.* С другой стороны, малое несчастье становится причиной большого счастья: *Не было бы счастья, да несчастье помогло; Не отведав горького, не узнаешь сладкого.* При этом поведение человека должно быть абсолютно нравственным и не допускать подлого отношения к другим: *На чужом горе счастье не построишь; Счастливым быть - никому не досадить.*

Состояние счастья обычно связывается с добрым, благим чувством, с чувством удовольствия, удовлетворения, а также событием, вызывающим это удовольствие: *Хорошая жизнь ум рождает, плохая и последний теряет; Добро творить – себя веселить.*

Хотя следует сказать, что для русской языковой картины мира, как отмечают многие исследователи [Шмелев 1997: 481], характерно противопоставление «высокого» и «низкого», «небесного» и «земного», «внутреннего» и «внешнего» — одновременно с отчетливым предпочтением первого, т. е. своего рода аксиологическая поляризация, которая распространяется на структуру многих оппозиций. Целый ряд важных понятий существует в русском языке в таких двух ипостасях: *истина и правда, долг и обязанность.*

Ярким примером такой ценностной поляризации может служить пара *радость/удовольствие*, напрямую связанная с ценностью *счастье*. Первое различие между понятиями состоит в том, что радость — это чувство, а удовольствие — всего лишь положительная чувственно-физиологическая реакция. Второе, и в некотором смысле самое главное, — в том, что радость относится к «высокому», духовному миру, в то время как удовольствие относится к «низкому», телесному. Другими словами, аксиологическая поляризация внутри пары *радость/удовольствие* обусловлена тем, что радость связы-

вается со способностями души или духа, а удовольствие является атрибутом плоти, ср.: *душа радуется, радоваться душой, душевно рад и плотские удовольствия, плотские утехи*. Эти фундаментальные различия влекут за собой некоторые более частные, что отражается, в том числе, в способах метафоризации радости и удовольствия. Как пишет, «...чтобы *искать, находить, извлекать, получать и испытывать* удовольствие, необходимо еще „владеть технологией” всех этих действий, знать способы и приемы их применения, иметь соответствующие навыки и умения. УДОВОЛЬСТВИЕ, таким образом, механично и технично в отличие от РАДОСТИ, которая органична. Не случайно, что удовольствие *портят...*, как портят вещь или механизм, тогда как радость омрачают, отравляют или убивают – как живое существо» [Пеньковский 1991: 150-151].

В русском национальном сознании существует противопоставление рассмотренной ценности *счастье (радость)* антонимичное понятие *горе (беда)*. Анализируя паремии, мы наблюдаем, что все компоненты ключевого слова «счастье» встречаются часто в соотношении с компонентами ключевого слова «горе»: *Где радость, тут и горе, где горе, там и радость, Горе старит, радость молодит, Было добро, да давно; а будет вперед, да горе берет; От добра до худа один шаток*.

В славянской мифологии персонифицированное несчастье – это сказочный персонаж Беда, «воплощение всяческих бед и несчастий, нищеты... Постоянного, определенного облика такое существо в поверьях обычно не имело, хотя его и представляли иногда в облике дряхлой и оборванной старухи – нищенки, древнего старика в обносках и т.п. Иногда считалось также, что Беда бывает невидима и живет за печкой, а некоторые поверья приписывали ей способность менять свой облик... Беда (Нужда, Горе) в сказках и поверьях выступает обычно как существо аморфное, не имеющее определенных черт и практически вездесущее; она – олицетворение и неизменная причина всех бед, несчастий, неудач, которые только могут преследовать человека» [Шапарова 2003:64].

Согласно народным поверьям, беда все время странствует по белому свету в поисках бедовиков, т.е. людей, обреченных на несчастье, не имеющих своей доли: *Горе не ищут, оно само приходит*. Считалось, что беда идет к таким людям навстречу и гонится за ними; она неутомима в преследовании и неизбежно настигает свою жертву, а потом хватается человека, вцепляется в него, садится ему на плечи, бьет, давит и мучит его: *Не сносить головы; Ты от горя за реку, а оно на берегу; Ты от беды, а она вперед*. Потому, чтобы избежать беды очень важно выстроить свое поведение с соответствии с определенными установками: *Нам грешным и ветер-то встречный; Худо тому, кто добра не делает никому*.

По народному убеждению, Беда странствует по свету и «располагается на житье» не в одиночку, а множеством (*Заколдованный круг, Беда не приходит одна, Беды вереницами ходят*). Необходимо выстраивать свое поведение таким образом, чтобы обойти беду стороной: *Кто лихо думает, с тем лихой (т.е. сатана) думает; Доброму добро, а худому пополам ребро*.

Поведение человека, да и судьба нередко определяются присутствием в его жизни радости либо печали: *Придет беда – не пойдет на ум еда, Беда исполошила, совсем повалила, Беда навалила, мужика совсем задавила*. В некоторых фраземах и поговорках мы встречаем утешение человеку, которого постигло несчастье: *не падай духом; Одна беда не беда; С горя не убиться, хлеба не лишиться; От беды не в петлю головой; От горя не об стену*.

В ряде пословиц, описывающих состояние счастья или несчастья, активно используются образы животных. Представив себе их внешний вид, повадки, мы можем определить семантику поговорок и отнести их к группе пословиц, характеризующих поведение человека, столкнувшегося с какими-либо неприятностями: *Попался, как вошь в щепоть; Подстреленного сокола и ворона носом долбит; На покляповое дерево и козы скачут; Набралась овца репьев*. Метафорическое представление о счастье через семантическую проекцию на животное и его поведение, свидетельствуют о том, что приручить,

предугадать или удержать его не возможно: *Счастье не перепелка: решетом не накроешь, Счастье – что волк: обманет, в лес уйдет.*

Как мы видим, стремление народного сознания наделить абстрактное видимыми свойствами выражается в персонифицировании таких поведенческих ориентиров, как счастье и несчастье. При этом русское языковое сознание постоянно сравнивает эти противоположно окрашенные ценности, предлагая ряд императивов – советов, как вести себя в различных жизненных ситуациях: *В счастье не возносись, в беде не унывай, Счастью не верь, в беде не унывай.*

Одними из ключевых нравственных ориентиров, определяющих поведение человека, являются понятия ***истина / правда***. Такая ценность, как правда, в народном сознании характеризуется наличием сложных, разветвленных и семантических связей с рядом других ценностных категорий, таких как добро и зло, честность и лживость, вина и прощение. Национальное понимание правды не совсем совпадает с пониманием истины и находится в контексте определения, данного этой важнейшей ценностной категории В.И. Далем: «Истина – противоположность лжи; все, что верно, подлинно, точно, справедливо, что есть; ныне слову этому отвечает и правда, хотя вернее будет понимать под словом правда: правдивость, справедливость, правосудие, правоту. Истина от земли – достояние разума человека, а правда с небес – дар благодетели. Истина относится к уму и разуму; а добро или благо к любви, праву и воле» [Даль 1995 (Т2): 60].

Правда в основном воспринимается как абсолютная ценность (*Подлинная правда; Правда светлее солнца*), благодаря которой возможно получение счастья, блага: *Кто правдой живет, тот добро наживет*. И наоборот, жизненные пути, связанные с обманом, завистью, подлостью в фольклоре получают однозначное осуждение: *Неправедное богатство прахом пойдет; Не правдой нажитое впрок не пойдет; Неправдою свет пройдешь, да назад не воротишься.*

Отношение в правде как нравственно высокой категории возникает в тех фразеологизмах и паремиях, которые демонстрируют взаимодействие понятий **правда, вера, совесть**: *Поступать по совести; Служить верой и правдой; За правого Бог и добрые люди; В правде Бог помогает, в неправде запинаят (карает)*. Причем не всегда людское мнение и христианские требования к поведению человека здесь совпадают: *Правда в дело не годится, а в кивот поставить и помолиться; Правдою жить – от людей отбыть; неправдою жить – Бога прогневить*.

Однако можно утверждать, что понятие **правда** зачастую в паремической картине мира русского народа не является только благом или добродетелью – ее характеристика зависит от конкретной ситуации и выбранного направления социальной оценки: с одной стороны: *Не устоять худа против добра; Делай не ложью – все выйдет по Божью*; с другой стороны: *Правдой жить – ничего не нажить*.

Ложь, или кривда, представлена в русских фраземах и пословицах как поведенческая реакция, тесно связанная с правдой: *Не будь лжи – не стало б и правды* (мы видим выражение единой сущностной основы правды и лжи как способов представления действительности). Ложь противостоит правде и связана с мошенничеством: *Не солгать, так и не продать*; краснобайством: *Врать не устать, было б кому слушать; Он врет и не поплевывает*; клеветой: *кривая ложь*. Ложь способна порождать целую череду пороков, создает своего рода градацию негативных поведенческих обликов: *Врун, так и обманщик, обманщик, так и плут; плут, так и мошенник, а мошенник, так и вор*.

Теснейшим образом связано с рассмотренными ценностями **счастье** и **правда** традиционная этическая оппозиция **добро – зло**. Из 275 паремий, включённых В.И. Далем в раздел «Добро – милость – зло», мы выделили три группы. Первая группа пословиц рассматривает значение добра, вторая группа пословиц – антипод добру – зло и его проявления, третья группа пословиц

даёт констатированную характеристику положительным и отрицательным сторонам человека и общества. Рассмотрим детальнее каждую из групп.

Фразеологические и пословичные единицы первой группы прямо говорят о значимости добра в жизни людей: *Добром поминать; Доброму добрая память, С добрым жить хорошо; В добре хорошо жить.* С понятием **добра** связано и православное понятие **милость**, дающее нравственную ориентировку в отношении к провинившимся, обвиняемым в преступлении, согрешившим: *Милость и на суде хвалится. Красна милость и в правде, Милость подпора правосудию, Милостивому человеку и Бог подает.* Зло ассоциируется с возмездием, в пословицах говорится о том, что малое зло способно свести на нет большое добро, всепрощение должно стать основой решений в жизни каждого человека: *Добрым делом не кори, На ласковое слово не кидайся, на грубое не гневайся, На ласковое слово не сдавайся, на противное не осержайся; Зла за зло не воздавай, Кто гнев свой одолевает, крепок бывает, Господин гневу своему – господин всему.* В паремиях декламируется добро как важнейшая потребность человека, о добрых, милосердных людях говорят как о «луче света в тёмном царстве»: *Сам с воробья, а сердце с кошку, На свете не без добрых людей, Добрый скорее дело сделает, чем сердитый, На милость образца нет. Не худо, что просвира с полпуда.* Проявления добра неизменно связываются с православными устоями, говорится о значимости и долговечности доброго поступка: *Божьей милостью; Доброму Бог помогает; Доброе дело и в воде не тает (или: не тонет); Доброе дело на век (или: на два века, на этот и на тот), Лихо помнится, а добро век не забудется.*

Вторая группа паремий констатирует грешную природу человека, говорит о том, что в разных ситуациях человек поступает по-разному: *Не всяк злодей, кто часом лих, Где гнев, там и милость, Не всё таской, ино и лаской.* В ряде фразем говорится о том, как тяжела жизнь, оправдываются недостатки людей, снисходительно говоря об их слабостях, опрометчивых поступках: *Это слабость его. Это его слабая струна (или: сторона), Он на эту ногу*

немножко храмлет (или: прихрамывает), Видно не той ногой (или: невпопад) порог переступил, Бог ему (или: тебе) судья; Господь с тобой.

В третьей группе констатируется факт присутствия зла, гнева по отношению друг к другу в жизни, намеренное желание обидеть, отомстить, досадить: *Держать (иметь) зло; Подсыпать перцу; Запустить шпильку; Сжить кого со свету; Согнать с бела света; Я им заварил ушицу (или: кашицу), пусть расхлёбывают.* Пословицы характеризуют «дурных», злонравных людей: *Как на лес взглянет, так и лес вянет, Не надо беса, коли ты здесь, От чёрта крестом, от свиньи пестом, а от лихого человека – ничем, Сера, что свинья, а зла, что змея, Немилостивому мил не будешь.*

Как мы видим, во фразеологической и паремической картине мире отражены представления о моральных качествах человека и утверждается мысль о том, что самое ценное человеческое качество – добродетельность, его можно прививать. Добродетель есть умение хорошо поступать, а хорошо поступать умеет тот, кто знает, как именно надо поступать, тот, у кого есть правильный нравственный ориентир. Русские пословицы учат ценить добрые дела, людей, которые их совершают, стремиться самому быть добрым, понимающим, милосердным. Встречи с пословицами и поговорками заставляют каждого человека задуматься над его мировоззрением, пересмотреть многие постулаты в своей жизни, оценить свою жизнь, свои поступки, совершаемые с какой-то целью или бесцельно. Пословицы помогают понять, что есть счастье, радость, правда, истина, добро и зло, освоить правила нравственной жизни, передающиеся из поколения в поколения.

§ 3. Семейные ценности в русской паремической картине мира

Помогая человеку понять окружающую действительность, определить аксиологию собственного поведения, фразеология, пословицы, поговорки с давних лет выполняли существенную дидактическую функцию. Знакома поколение за поколением с устоями прошлого, фразеологизм или паремия по-

могали находить ответы на самые сложные вопросы, давали рекомендации, как поступить в той или иной ситуации.

Таким образом, четко формулируя основные морально-этические нормы, пословицы и поговорки становились учебником жизни. Они представили собой яркие образы практической философии, которая концентрировала в себе результат огромного творческого труда и четко выражала народное понимание закономерностей бытия и поведения человека.

В группе паремий, посвященных семейным ценностям и отношениям, пословицы, несомненно, отражая общенародные мысли о назначении мужа и жены, родителей и детей, имеют немалую значимость в познавательном, прагматическом, воспитательном, этическом и эстетическом своих аспектах. Семейные ценности базируются на понятиях «верность», «доброта», «забота», «неразделимость», «любовь», «доверие», «надежность»: *Любовь да совет – так и нуждочки нет; На что и клад, коли в семье лад.*

Функции членов семьи определены строго в соответствии с традиционно сложившимися понятиями: жена (женщина) – хранительница домашнего очага, чести семьи: *Доброй жене домоседство не мука; Три друга: отец, да мать, да верная жена; Доброю женою и муж честен.* Муж, по мнению русского народа, – защитник семьи, добытчик, кормилец: *За мужнину жену есть кому вступиться; Муж дому строитель, нищете отгонитель.* В пословицах отражена абсолютная сближенность мужчины и женщины в семье: нет различия, так как муж и жена – одно целое: *Муж и жена – из одного кремня искры; Муж и жена – одно тело, одно дело, один дух.* Мужчина чувствует себя уверенно, истинным хозяином, когда в доме у него жена-хозяйка, умело ведущая хозяйство: *Мужа чтут за разум, жену по уму; Муж крепок по жене, а жена крепка по мужу; Муж полтину, а жена холстину, все в одно место складут, так и хорошо живут.*

Абсолютное сближение мужчины и женщины наблюдается в семье, где основной ценностью является любовь: *Живут рука в руку, душа в душу.* При этом предполагается, что каждый из супругов несет нравственную ответ-

ственность за свой выбор: *Муж не сапог: не скинешь с ног; Жена не гусли: поиграв, на стену не повесишь.*

Безнравственное поведение одного из членов семьи влечет за собой общее расстройство семейной жизни: *Сам пьян, а дети голодны, сам шатун, дети пошаточки; Блудливая свекровь и невестке не верит; Брат на брата – пуще супостата; Муж за рюмочку, жена за стаканчик.*

За нарушение нравственного семейного уклада ответственность несет и мужчина, и женщина, однако безнравственное поведение женщины, отраженное в паремиях, приносит больше разрушений: *Муж запьет – полдома пропьет, жена запьет – весь дом пропьет.* Муж несет ответственность за семью, однако к мужскому греху народное мнение более снисходительно, чем к женским порокам: *Мужнин грех за порогом остается, а жена все домой несет.* С другой стороны, женщина по своему социальному статусу всегда была под покровительством: сначала отца, потом мужа. Поэтому муж как глава семейства виноват даже в грехе жены: *Дал муж жене волю – не быть добру.*

Рассматривая роли мужа и жены в семейных отношениях, мы можем проследить различия мужа и жены с точки зрения морально-нравственного аспекта. Анализ пословиц позволил выявить основные недостатки мужа и жены, которые житейская мудрость увековечила в фольклоре.

В первой группе паремий отражены недостатки женщины. Количество этой группы достаточно большая, возможно потому, что женщине изначально отводится роль хранительницы семейного очага, доброго имени семьи, значит, с нее и спрос больше. К основным недостаткам жены пословицы относят:

1) неверность: *Муж в дверь, а жена в Тверь; Она и без мужа в серьгах щеголяет* (в отсутствие мужа добрые жены снимают с себя серьги, перстни и щегольскую одежду); *Не пройдет без греха, у кого жена лиха;*

2) злоба, злонравие, злорадство: *Лучше есть хлеб с водою, чем жить со злою женою; Лучшие камень долбить, нежели злою жену учить; Красны*

похороны, когда муж злую жену хоронит; От плохой жены состаришься, от хорошей – помолодеешь;

3) неумение вести хозяйство, расточительность: *Муж в голях, жена в бусовых серьгах; Муж за хлеб да скатерть, а жена за избу да пляшет; Муж в долгу, а жена в шелку; Жена не сбережёт, так мужу ни за что не сберечь;*

Как мы видим, со многими недостатками жены можно примириться, но если хранительница семейного очага зла, своенравна, не умеет вести хозяйство или изменяет мужу, то она оценивается исключительно негативно: *Перед дурною женою сатана – младенец непорочный.*

Вторая группа включает пословицы, называющие недостатки мужа, которые, в том числе, реализуются в поведенческих реакциях:

1) слабохарактерность: *Не муж в мужьях, кем жена владеет; Жена верховодит, так муж по соседям бродит; Жена бранчлива – мужу позор;*

2) лень, праздность, неумение обеспечить семью: *За ленивым жить, только век должить (волочить); У мужа тоще (в кармане), и у жены пусто (в хозяйстве, в угощении);*

3) легкомысленное отношение к своим обязанностям: *С худым мужем ни в молодости на потеху, ни в старости на подмогу, ни по смерти на помин души.*

Как мы видим, положение мужа требует нравственного и ответственного поведения. Такое поведение опирается на определенные морально-этические принципы, которые на Руси с детства воспитывались в мальчиках: сила воли, решительность, верность слову и делу (верность жене), трудолюбие, смекалка, находчивость: *Укрепится человек – крепче камня, а ослабнет – слабее воды; Труд человека кормит, а лень портит; Где работно, там и густо, а в ленивом доме пусто; Работы без заботы нет, а забота и без работы живет.*

Социальное поведение мужа и жены, отраженное в русских фраземах и пословицах, определяется теми морально-нравственными устоями, которые вырабатывались в русском обществе на протяжении многих веков. Многие

ученые справедливо полагают, что изначальной целью пословиц была передача опыта молодым поколениям. Языковые знаки и их расположение способны выполнять функцию «языка» культуры, что выражается в способности языка отображать культурно-национальную ментальность его носителей.

Взаимоотношения между супругами могут быть четко определены через саму структуру предложения. Достаточно употребительными, по нашим наблюдениям, являются паремии, синтаксически выстроенные как бессоюзные сложные предложения, вторая часть которых раскрывает содержание первой или указывает на причинно-следственную связь между частями: *Муж не сапог: не сбросишь с ног; Жена не рукавица: под лавку не закинешь*. Начиная предложение с «отрицательного противопоставления» [Фигуровский 1969: 203], говорящий как бы определяет смысловой акцент, указывая на меру ответственности человека, имеющего жену. Хотя такой нравственный ориентир, как «мужская ответственность», зрительно не обозначен, он подразумевается смыслом пословицы, что несомненно влияет на говорящего и слушающего и влияет на их поведение. Кроме того, в пословице обнажена ее целенаправленность. Все элементы подчинены задаче – точнее раскрыть мысль, ярче ее выразить, благодаря чему достигается концентрация мысли.

Семейный уклад жизни русского человека, нравственные ценности отражены были в «Домострое». Так, «мужьям следует воспитывать жён своих с любовью и примерным наставлением; жёны же мужей своих вопрошают о строгом порядке, о том, как душу спасти, Богу и мужу угодить и дом свой получше устроить, и во всём покоряться мужу; а что муж накажет, тому с любовью и страхом внимать и исполнять по его наставлению и согласно тому, что здесь писано». В национальном языке находим фразеологические и паремиологические единицы, эквивалентные приведенным наставлениям: *Жена мужа почитай, как крест на главе, муж жену береги, как трубу на бане; Жена мужу – пластырь, муж жене – пастырь; Жена при муже хороша; Жена мужем хороша*.

Одной из важных целей пословиц является стремление привить людям нравственную оценку действительности. Паремии, в которых обобщаются этические воззрения русских на различные жизненные явления, в первую очередь на семейный уклад, дают ясные положительные или отрицательные характеристики поведению человека, утверждая или критикуя, восхваляя или осмеивая. Так, отношения родителей к детям требуют таких свойств, как забота, внимание, любовь: *Не тот отец, мать, кто родил, а тот, кто вспоил, вскормил да добру научил; Как Бог для людей, так отец для детей.* Дети, в свою очередь, должны отвечать родителям уважением, почтительностью: *Кто родителей почитает, тот вовеки не погибает; Не оставляй отца и мать на старости лет, и Бог тебя не оставит.* Невнимательное отношение к родителям, порочная жизнь детей порицается в народной культуре, основанной на православной этике, где одной из заповедей является требование почитать отца и мать: *Наш Антон не тужит о том: мать умирает, а он со смеху помирает; Блудный сын – ранняя могила отцу.*

Говоря о национально-культурной семантике паремий, следует помнить о кумулятивной функции пословиц. Любая паремия (пословица, поговорка, крылатое выражение) прежде всего фиксирует коллективный опыт людей. «Пословица не просто изречение. Она выражает мнение народа. В ней заключена народная оценка жизни, наблюдение народного ума» [Аникин 1986: 12]. Не всякое изречение становится пословицей, а только такое, которое согласовалось с образом жизни и мыслями множества людей, - такое изречение могло существовать тысячелетия, переходя из века в век. Если по своим истокам пословица отражает индивидуальный опыт, то, как правило, заслуживающий общественного признания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Взаимоотношения языка и культуры в рамках активно развивающейся антропологической лингвистической парадигмы становятся сегодня одним из центральных объектов гуманитарных исследований. Неисчерпаем этнокультурный потенциал русской фразеологии и паремиологии, образно-смысловое

богатство которой заметно расширяет представление о жизни, быте, истории, культуре русского человека. Связь истории, культуры, мировосприятия носителей русского языка особенно ярко проявляется в во фразеологической системе, аккумулирующей социально-исторические, концептуальные, ценностные сведения общечеловеческого и конкретно-национального характера.

Фразеология и паремиология русского языка – это огромная, образно-экспрессивная, понятийная система языковых средств, содержащих информацию о явлениях, процессах и предметах объективной действительности. Фразеологическая или паремиологическая единица – своего рода «кладезь премудрости» народа, сохраняющий и воспроизводящий его менталитет, его культуру от поколения к поколению. Во фразеологическом и паремиологическом фонде национального языка даны основные представления народа о мифах, обычаях, обрядах, ритуалах, привычках, морали, поведении и т.д.

Поведение человека связано с соблюдением или нарушением определенных норм, принятых в социуме. Как социокультурный феномен поведение человека получает разнообразную экспликацию во фразеологическом и паремиологическом ресурсах языка. Фразеологизмы, пословицы и поговорки, отражая в своей семантической структуре становление и развитие этнокультурных традиций и ориентиров, фиксируют и воспроизводят определенные ценностные установки, этические эталоны, нормирующие поведение человека в частной, семейной и социальной жизни.

В нашей работе паремиологические единицы были рассмотрены и описаны в контексте тесной связи языка и культуры. Данный подход обоснован тем, что паремиологические изречения теснейшим образом связаны с культурно-историческими традициями говорящих на данном языке, с их языковым сознанием, с национальной спецификой мышления. Идиоматические выражения играют значительную роль в формировании национальной языковой картины мира. Менталитет русского народа и его духовная культура воплощаются в таких языковых единицах через их образное и ценностное со-

держание. Следовательно, паремиологию и фразеологию необходимо изучать в тесной связи с культурой народа, как часть национальной концептосферы.

Богатое, поистине многогранное содержание пословиц обуславливает их воспитательное значение. Выраженные в них суждения народа о социальных отношениях и различных сторонах жизни общества, прославление положительных начал; *Коли у мужа с женою лад, так не надобен клад*, смелая критика различных пороков и недостатков: *Врун, так и обманщик, обманщик, так и плут; плут, так и мошенник, а мошенник, так и вор*. Все это несет в себе мощный нравственный заряд и имеет большое дидактическое значение. Уникальность пословиц заключается в том, что, появившись в какой-то либо исторический период, в определенной социокультурной системе, они продолжают жить века, применяясь к новым общественным и культурным условиям.

Сущность любой паремии заключается в том, что она предназначена для выражения мыслей о ценностях мира. Поэтому очень часто формируются группы паремий (*истина / правда*) или оппозиции паремий (*добро – зло*), которые определяют этические установки, представляя систему фраз оценочного плана, чтобы показать, что хорошо и что плохо, к чему надо стремиться и что отвергать: *За правого Бог и добрые люди; С добрым жить хорошо; Труд человека кормит, а лень портит; Жена мужу – пластырь, муж жене – пастырь; Не учи безделью, а учи рукоделью*.

Императивность пословиц, описывающих поведение человека, связана с отображением норм поведения народа, которые закрепляются в общественном сознании и передаются из поколения в поколение с помощью языковых единиц. Они употребляются для описания социальных ролей человека, его положительных или отрицательных качеств, для выражения конфликтных ситуаций, в которых поведение человека адекватно либо неадекватно, характеризуют межличностные отношения: *Добрая жена – веселье, а худая – злое зелье; За свое вступайся, за чужое не хватайся; Всякому мила своя сторона; Доброе братство милее богатства; Не тот отец, мать, кто родил, а тот,*

кто вспоил, вскормил да добру научил; Кто гнев свой одолевает, крепок бывает.

Анализ нравственных ориентиров, заложенных в паремиологических изречениях, показал, что особо значимыми являются такие понятия, как «мир», «согласие», «дружба», «радость», «добро», «правда»: *Больше той любви не бывает, как друг за друга умирает; Добро творить – себя веселить; Доброго не бегай, а худого не делай; Делай не ложью – все выйдет по Божью.* Как мы видим, в национальной концептосфере с помощью пословиц и фразеологизмов отражены представления об этических качествах человека и утверждается мысль о том, что один из важнейших нравственных ориентиров – стремление совершать добро.

Множество рассмотренных примеров связано с взаимодействием различных ценностных параметров, определяющих поведение человека: *Где радость, тут и горе, где горе, там и радость; Не было бы счастья, да несчастье помогло; Не так живи, как хочется, а так живи, как Бог велит; Дома все споро, а вчуже житье хуже; Родимая сторона – мать, чужая – мачеха.* Например, русские паремии указывают в первую очередь не просто на присутствие добрых намерений у человека, а на их обязательное добросовестное исполнение, стремление к счастью должно сопровождаться добрыми делами; получение выгоды, материальное обогащение нередко обусловлено неправдой и т.д. То есть в русской аксиологической картине мира, репрезентированной в текстах паремий, одна ценность может получить лингвокультурологическое осмысление через другую ценность.

Образно-семантическая природа фразем единиц тесно связана с фоновыми знаниями говорящих, с практическим опытом человека. Фразеологический фонд языка отчётливо отражает специфику мышления народа, особенности его культуры, его языковое сознание, фиксирует в той или иной форме ценностную картину мира. Например, для русского человека радость — это высокое, светлое чувство, а удовольствие связано в основном с телесным удовлетворением, с примитивными потребностями: *душа радуется и получил*

удовольствие. Таким образом, характеристика языковой картины мира, отражённой во фразеологических и паремиологических единицах, предполагает актуальность выделения в содержании особого аксиологического компонента, что понимается в современной лингвокультурологии как выявление этноспецифических черт национальной концептосферы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Список научных трудов

1. Алефиренко, Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Флинта-Наука, 2010. – 288 с.
2. Алефиренко, Н.Ф. Протовербальное порождение культурных концептов и их фразеологическая репрезентация / Н.Ф. Алефиренко // Филологические науки. – 2002. - № 5 – с. 72-82.
3. Алефиренко, Н.Ф. Фразеология в системе современного русского языка / Н.Ф. Алефиренко. - Волгоград, 1993. - 247 с.
4. Алефиренко, Н.Ф., Золотых, Л.Г. Проблемы фразеологического значения и смысла / Н.Ф. Алефиренко, Л.Г. Золотых. - Астрахань, 2000. - 220с.
5. Алефиренко, Н.Ф., Семененко Н.Н. Фразеология и паремиология / Н.Ф. Алефиренко, Н.Н. Семененко. – М.: Флинта: Наука, 2009, - 304 с.
6. Альбрехт, Ф.Б. Проблема определения и описания единиц зоны лексико-фразеологической переходности / Ф.Б. Альбрехт // Филологические науки. – 2001. - № 3 – с. 66-77.
7. Аникин, В.П. Русский фольклор / В.П. Аникин. – М., 1985.
8. Арсентьева, Е.Ф. Типы контекстуальных трансформаций фразеологических единиц / Е.Ф. Арсентьева. – Набережные Челны: Рудик, 2002. – 298 с.
9. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. - М., 1999.- 890 с.
10. Арутюнова, Н. Д. Национальное сознание, язык, стиль / Н.Д. Арутюнова // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы. Тезисы международной конференции. Т.1. - М., 1995. – С. 132-135.
11. Арутюнова, Н.Д. Введение. Логический анализ: ментальные действия / Н.Д. Арутюнова – М.: Просвещение, 1993 – 200с.
12. Афанасьев, А.Н. Происхождение мифа / А.Н. Афанасьев. – М.: Высшая школа, 1996. –150 с.

13. Бабушкин, А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика / А.П. Бабушкин – Воронеж: Просвещение, 1998. – 225 с.
14. Багаутдинова, Г.А. Человек во фразеологии: антропоцентрический и аксиологический аспекты: Автореф. дис. ... доктора филол. наук / Г.А. Багаутдинова. – Казань, 2007. – 35 с.
15. Балаклай, А.Г. Фразеология современного русского языка / А.Г. Балаклай. – Новокузнецк: Кузбассвузиздат, 1992. – 80 с.
16. Баранов, А.Н. Идиоматичность и идиомы / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский // Вопросы языкознания. – 1996. - № 5 – с. 57-60.
17. Бельчиков, Ю.А. Русский язык XX век / Ю.А. Бельчиков.- М.: Изд-во МГУ, 2003.
18. Бицилли, П.М. Избранные труды по филологии. Нация и язык / П.М. Бицилли.- М.: Наследие. 1996.
19. Брагина, Н.Г. Опыт культурной реконструкции мотивационной базы фразеологизмов (фразеологизмы с компонентом душа / сердце) / Н.Г. Брагина // Фразеология в языкознании и других науках. - Ljubljana, 2007. - С. 219-233.
20. Буслаев, Ф.И. Русские пословицы и поговорки, собранные и объясненные / Ф.И. Буслаев. – М.: 1954.
21. Васильева, В.Ф. Языковая картина мира: Миф и реальность (полемиические заметки) / В.Ф. Васильева // Вестник Московского университета. Серия «Филология» - 2009 - №3 – С. 22-31.
22. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая. – М., 1999.
23. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М., 1997.
24. Виноградов, В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Виноградов В.В. Лексикология и лексикография: Избранные труды. – М., 1977.

- 25.Винокур, Г.О. Избранные работы по русскому языку / Г.О. Винокур.- М., 1959.
- 26.Власова, Н.А. Современное фразеогнездообразование в русле антропологической парадигмы / Н.А. Власова // Фразеология в аспекте науки, культуры, образования. Тезисы докладов международной научно-практической конференции. – Челябинск, 2001. - С. 211-216.
- 27.Воркачев, С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: Становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С.Г. Воркачев // Филологические науки. - 2001. - №1.
- 28.Воркачев, С.Г. Постулаты лингвоконцептологии. Антология концептов /С.Г. Воркачев.– М.: Просвещение, 2007. – 205 с.
- 29.Воробьев, В.В. Лингвокультурология (теория и методы) / В.В. Воробьев. - М.: Изд-во РУДН, 1997.
- 30.Воробьев, В.В. О статусе лингвокультурологии / В.В. Воробьев // Русский язык, литература и культура на рубеже веков: Тезисы докладов и сообщений IX Международного конгресса МАПРЯЛ: В 2 т. – Братислава, 1999. Т.1.
- 31.Гадамер, Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / Х.-Г. Гадамер. - М.: Прогресс, 1988.
- 32.Гак В.Г. Национально-культурная специфика меронимических фразеологизмов / В.Г. Гак // Фразеология в контексте культуры. М., 1999.
- 33.Гак, В.Г. Актантная структура грехов и добродетелей / В.Г. Гак // Логический анализ языка: языки этики. М., 2000.
- 34.Гак, В.Г. Языковые преобразования/ В.Г. Гак. - М.: Языки русской культуры, 1998.- 763 с.
- 35.Гумбольдт, В. фон. Язык и философия культуры / В. фон Гумбольдт.- М., 1985.
- 36.Гуревич, П.С. Человек и его ценности / П.С. Гуревич // Человек и его ценности: Сб. ст.-М., 1988,-Ч. 1,-С. 1-15.
- 37.Гусева, А.Е. Основы лингвокогнитивного моделирования лексико-

фразеологических полей в немецком и русском языках / А.Е. Гусева. – М.: Изд-во МГОУ, 2007. – 362 с.

38. Гухман, М.М. Лингвистическая теория Л. Вейсгербера / М.М. Гухман // Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике. – М., 1961.

39. Диброва, Е. И. Вариантность фразеологических единиц в современном русском языке / Е. И. Диброва. – Ростов н / Д. : Изд-во Рост. ун-та, 1979. – 192 с.

40. Дубровина, С.Ю. Организация православной лексики русского языка по функционально-стилистическим разрядам / С.Ю. Дубровина // Вестник Московского университета. Серия «Филология» - 2009 - №1 – С. 34-55.

41. Жуков, А.В. Переходные фразеологические явления в русском языке / А.В. Жуков. – Новгород: НГУ, 1996. – 132 с.

42. Жуков, А.В. Фразеологизация слова и лексиколизация фразеологизма / А.В. Жуков // Филологические науки. – 2007. - №4 – с. 89-96.

43. Жуков, В.П. Пословица / В.П. Жуков // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. Ярцева В.Н.. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. – С. 253.

44. Жуков, В.П. Семантика фразеологических оборотов / В.П. Жуков. – М.: Просвещение, 1978. – 160 с.

45. Карасик, В. И. Культурные доминанты в языке / В.И. Карасик // Языковая личность: культурные концепты. - Волгоград-Архангельск, 1996.